

Наталья ГВЕЛЕСИАНИ ДОРОГА ЦВЕТА СОБАКИ

@ЭЛИТА

6+

Наталья Гвелесиани
Дорога цвета собаки

Электронное издательство "Аэлита"

2014

Гвелесиани Н.

Дорога цвета собаки / Н. Гвелесиани — Электронное
издательство "Аэлита", 2014

В романе-фэнтези «Дорога цвета собаки» с большим драматическим накалом, лиризмом и всечеловеческой масштабностью изображены многообразные перипетии Пути человека, его прорыв к Добру и собственной человеческой сути сквозь обескураживающую, порой изысканную игру сил Тьмы. В волшебной Стране Вечного Полдня, возможно, лежащей где-то в глубинах нашего подсознания, продуцирующей архетипических героев и экзистенциальные ситуации, время судорожно сжато, концентрированно и предельно ограничивает выбор. Поэтому каждый последующий ответ на собственный вопрос, ошеломляя скоростью, зачастую отменяет предыдущие, становясь вехой на пути в пределы, где крайние полюса Света и Тьмы олицетворяют, сражаясь, род витязей и род драконов...

© Гвелесиани Н., 2014

© Электронное издательство
"Аэлита", 2014

Содержание

Пролог	5
Часть первая	10
Глава первая	10
Глава вторая	15
Глава третья	25
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Натаалья Гвелесиани

Дорога цвета собаки

Пролог

Сочинение странника Годара

(Из материалов Секретного военного архива Королевства Суэния)

Да будет благословен день, когда взрослые заключили в квадрат забора кусок земли перед домом, и хрупкий от неуправляемой силы взгляд перестал блуждать по фрагментам бескрайних улиц с пугающими формами и упёрся в конкретный тополь – один из десяти, оказавшихся в плену ограды. И потеплели глаза, увидев собаку... Подбородок приподнялся над перилами балкона, потому что Мальчик привстал на носочках и ещё раз пересчитал все десять тополей и заметил, что они могли бы пройтись макушками по небу, если б небо спустилось ниже.

Так думал мальчик девяти лет, только иными, немудрёными своими словами, которые неловко прилипали к новым – странным, приятным и в то же время осторожным в своём напоре чувствам, когда впервые получил разрешение спуститься на только что построенную детскую площадку с далёкого седьмого этажа.

Вбежав в калитку, он споткнулся, а собака, лежавшая под деревом, как снег, сразу поднялась, и, не дав ему времени на раздумья о размерах опасности, подалась, потянулась к нему одним бесконечным разом – пушистая, белоснежная, сияющая угольками глаз, поигрывающая бубликом хвоста. Она упёрлась передними лапами в шуплый его живот и лизнула руку. Это был тёплый, удивительно нежный снег. Он замелькал вокруг Мальчика, засверкал, завертел им. Щёки мальчика вспыхнули. Когда же щенок – а это был резвый, наивный, ласковый к жизни щенок – перевернулся на спину, обнажив розовое брюшко в рыжеватых родимых пятнышках, мир окутал туман, и мокрые стволы тополей, качнувшись, поплыли, натываясь друг на друга, вдоль ограды.

Мальчик опустил на одно колено и приложил ладонь к розовой мякоти.

Десятки слезящихся солнц пылали на вздымающейся коже.

Щенок, присмирив, как-то странно заглянул в его лицо сузившимися глазами... Когда мальчик нашёл в себе силы оторвать от собаки неподвижную руку и обвести отсутствующим взглядом то, что окружало их, всюду в поле его зрения находилась Собака.

– Бабария! – выкрикнул он придумавшееся имя щенка. Он шёл за ним вдоль ограды, в белёсом тумане, машинально проводя пальцами, словно по клавишам, по белым доскам забора. Бабария зализывала, выпрямляла шероховатости его души, о которые он прежде ранился. Резвясь, они бегали наперегонки по бесконечно пьяной траве, и немисливо тёплый ветер – ветер цвета собаки – раздвигал чёлку на лбу, обнажая его высоту, и брови ползли вверх, и тогда, покрывшись поперечными складками, лоб делался похожим на полотнище белого флага.

Шли недели. Избалованная вниманием хозяина, Бабария не покидала детской площадки, а Мальчик, гуляя во дворе, не предпринимал попыток проникнуть за его пределы. Он дал знакомым тополям имена, и часами наблюдал за тем, как бродят они, широко расставив ветви, в белёсой мгле, и, изредка наткнувшись друг на друга, едва заметно вздрагивают воздушной листвой. Иногда он окликал одно из деревьев по имени – и оно замирало. Мальчик же, стремительно подбежав к стволу, прижимался к нему спиной и глядел вверх, на окроплённую синевой макушку.

Однажды, идя рядом с Бабарией вдоль словно сквозящей через её силуэт ограды, он незаметно отстал, машинально пересчитывая тускнеющие на глазах доски, и медленный его

шаг иссяк у тополя, в макушке которого застыла, увязнув, потемневшая синь неба, откуда сонно сползли по стволу несколько свинцовых отростков, несколько заиндевелых среди лета небесных струнок.

Тихо было на земле. Так тихо, так прочно и медлительно, что когда на пороге распахнутой калитки появилось постороннее пятно, похожее на смятый чёрный платок, и двинулось в правый угол площадки, он не сразу понял, что это – другая собака. И лишь когда она залегла, свернувшись в углу, и посмотрела на него, как в стекло, за которым стоит другое стекло, а за другим стеклом – воспоминание о Доме, Мальчик мысленно вернулся назад, и рассмотрел, путаясь в нитях хлынувшего вдруг дождя, большую, чёрную, гладкую, как пантера, собаку, которая брела, опустив морду, словно лошадь, прильнувшая к водопою. Походка её, недобрая из-за хромоты, нарушала устоявшиеся на его земле созвучия.

Мальчик инстинктивно прижал к себе Бабарию, ощутив к чёрной собаке острую неприязнь, хотя та, похоже, была далека от любых намерений, включая агрессивные.

Всю неделю он с особым усердием кормил Бабарию с рук, на виду у сурового пса, и испытывал при этом страстное желание запустить в него камнем, но вместо камня в сторону чёрной собаки полетела косточка, как-то вдруг, невзначай.

Однако пёс не принял подачки, и тогда Мальчиком завладело желание накормить его во что бы то ни стало. Метнув в ненавистный угол ожесточённый взгляд, он поднялся в дом, достал медный таз, вылил в него полкастрюли супа, смешал с порцией макарон, сдобрил мясным соусом, и, вернувшись на площадку, двинулся на непослушных, ненатуральных ногах по направлению к чёрной собаке.

Когда расстояние между ними сократилось до трёх шагов, пёс беззвучно оскалился, и Мальчик был вынужден, оставив таз, уйти медленным шагом к Бабарии. Он чувствовал спиной чужака и презирал его.

Так шли дни. Пёс не подпускал Мальчика ближе задуманного расстояния, но и не отвергал пищи.

Но однажды, когда Мальчик, повернувшись в очередной раз спиной к чёрной собаке, неторопливо двинулся восвояси, чёрный пёс догнал его и слизнул с ноги застывшие капельки соуса.

Теперь Мальчик ухаживал за Бабарией с прилежным, троекратно умноженным рвением. Он часто рассматривал её – от кончика носа до хвоста – и находил божественно-совершенной. Белизна её шерсти навевала воспоминания о снеге и наводила на мысль, что снег может быть горячим. Но он заметил и кое-что новое: красноватый шрам на ухе. Это открытие сделало – постепенно – его Бабарию не такой привлекательной. Раньше, для того, чтобы почувствовать покой и тепло, было достаточно положить руку на её голову, слегка почесать за ухом. Теперь он гладил её чуть ли не от кончика носа до хвоста и не чувствовал ничего, кроме температуры тела.

Чаще же руки Мальчика пассивно лежали на коленях, а Бабария, примостившись рядом, поочерёдно покусывала их, заглядывая ему в лицо с какой-то резвой насторожённостью. Вся она была из себя сплошным снегом – подтаявшим и звенящим. Мальчик же смотрел в сторону калитки, ожидая появления Джека – так окрестил он новую собаку.

Странные отношения сложились у него с новой собакой. Джек был скуп в проявлении чувств. Появляясь на пороге площадки, он не удостоивал человека ни взглядом, ни взмахом хвоста. Словно кот, привязанный не к человеку, а к месту, отправлялся он, прихрамывая, в свой угол, чтобы залечь там на час. Мальчик же в продолжение всего времени стоял над ним, как утёс, не смея нарушить возвышенной отчуждённости. Это он, Мальчик, стал собакой этому высокомерному псу, и, ничего не зная о внутреннем мире скрытного своего друга, в упоении черпал силы из фантазий на тему его души...

Перед мысленным взором Мальчика, направленным на ствол ближнего тополя, вырисовывалось огромное дупло, и зияло, как ночное небо, потусторонней темнотой. Ему хотелось внутрь, чтобы ощутить себя частью дерева и посмотреть оттуда на мир своей собаки глазами пустоты.

Подобострастно склонившись, он высматривал проблески огня в неподвижных, каких-то прочных глазах Джека и, рассматривая вечерами звёздное небо, видел множество собачьих глаз. Не имея возможности сосчитать все звёзды, он, тем не менее, подметил, что каждый мерцающий глаз имеет на небосклоне одно, раз и навсегда данное место, и звёздная картина, если смотреть на неё с балкона или с площадки, на которой бывала его Собака, остаётся неизменной. Тогда он попробовал перенести картину в альбом для рисования, и перевёл кипу бумаги, пытаясь нарисовать звёзды именно в таком порядке и количестве, в каком стояли они в природе. Наконец, он устал и изобразил два высохших тополиных листа. Что таилось под листьями, он не понял, ибо фантазия его истощилась.

И тогда Мальчику захотелось другого неба: не того, что вечно торчало над площадкой его собаки. «Если выйти за ограду, небо продолжится, и на нём вспыхнут новые звёздные комбинации,» – подумал Мальчик, только иными, немудрёными своими словами. Но отойти от площадки – всё равно, что покинуть землю, где каждый камень помнил и отражал звёздные глаза собаки.

Утром он подошёл, как обычно, к Джеку, присел на корточки, деловито заглянул тому в глаза, и они не показались ему похожими на звёзды. Мальчик так и обмер. У ног его возлежала самоуглублённая душа, запятанная в тщедушное тело, обтянутое гладкой кожей с короткой шёрсткой, и не испытывала ровно ничего, кроме желания быть ничем. Это была старая чёрная собака, полюбившая не человека, а угол, в котором можно будет издохнуть, когда назойливый ребёнок прекратит приносить пищу. Мальчик не смог более придумать ни одной черты характера, или тела, за которую можно было бы продолжать любить чёрную собаку.

Он ошеломлённо выпрямился. «Помоги мне», – шепнул он Джеку. Но руки Мальчика были пусты, и пёс, разбуженный звучанием шёпота, лишь слабо потянул носом воздух... Тогда Мальчику почудилась сверкающая снежная пыль, которая, оседая на щеках и одежде, одна только и передаёт неуловимую нежность зимы.

В страхе обвёл он потемневшим взором владения бывших своих собак и не нашёл в них Бабарии. Только теперь позволил он себе заметить, что Бабария покинула площадку, и это в глубине души принесло облегчение, потому что снежная пыль растворилась в слякоти, когда он представил себе вид приторно-розового щенячьего языка Бабарии, который казался теперь всего лишь мокрым. Стало ясно, что он подменил Бабарию другой собакой, и не сразу позволил себе это заметить, а после разлюбил и другую собаку, потому что она ему наскучила. Если же одну собаку возможно подменить другой собакой, то кого же он тогда любил? А если и любил, то почему так недолго?

Нет, он больше не станет никого обманывать. Если за всяким началом следует конец, он станет жить один и превратится в окружность, в свернувшегося клубком младенца. Собаки перестанут быть покинутыми, потому, что он не будет их любить. «Я оставил тебя, Бабария, – думал он с жалостью, адресованной непонятно кому, – Я разлюбил! Разлюбил! Разлюбил! Несчастные вы мои и ненужные. Ненужные и несчастные. Я буду один, один, один...» Каждая повторяющаяся мысль вызывала в душе вспышки пламени, которые обжигали душу.

Так продолжалось до тех пор, пока на глаза не навернулись слёзы. Мальчик прекратил бесцельную ходьбу и осмотрелся. Вот замерли, ожидая своей участи, десять могучих тополей. Ни единым шорохом не выдадут испуга, только гудит в сердцевинах ожесточённая пустота.

Вот ползёт муравей по руке.

Вот лежит в углу чёрный клубок, бывший когда-то его собакой.

Каплет из крана ржавая вода.

А асфальт сыр, и на всём его протяжении разбросаны камни, и незнакомая девочка в шёлковом платье занята тем, что складывает из камней пирамидки.

В каждой пирамидке – по семь камней.

Каждый следующий камень меньше предыдущего.

Без собаки.

Мальчик поперхнулся воздухом.

Неужели никогда?

И такая вдруг жалость охватила его к этой девочке, с тонким, как нить, позвоночником, девочке, никогда не видевшей камни сквозь цветную ткань своей собаки, такая громада взаимоисключающих чувств, что он вознамерился поцеловать её в щёку, но нечто всеобъемлющее, далёкое, сладостно-зыбкое остановило его. Смесь восторга и испуга заставила Мальчика пролететь в полуметре от существа, которое он бессознательно отодвинул в будущее. И порог площадки неожиданно остался за спиной.

Прежние собаки отпустили его на все четыре стороны, и, пробежав несколько десятков метров, Мальчик оказался на пригорке перед глубоким оврагом.

Значительный этот кусок земли настолько поразил воображение, что Мальчик сразу освободил из плена оставшейся позади огады все десять тополей, и бывшие его друзья, слившись с прочими деревьями, стали неисчислимыми, безымянными. Он ещё не знал, что станет его новой собакой: весь ли овраг целиком, влажное ли его дно с затаившимся в камышах родником, человек, или просто бурая земля, щекощущая пальцы, когда её пересыпаешь из ладони в ладонь, – любовь была впереди, но уже сейчас, желая прижать её к себе и не отпускать как можно дольше, он прильнул щекой к склону и уснул.

Мальчик знал, что сон заполняет пустоты времени. Он надеялся жить каждой собакой как можно дольше, понимая, что когда-нибудь нечто большее перечеркнёт овраг так же, как овраг перечеркнул площадку. Позже последует ещё более крупное Нечто, и так будет продолжаться до тех пор, пока глобальности не исчерпают себя. Тогда он, разлюбив последнюю из величин, умрёт. Так не лучше ли любить каждую собаку как можно дольше, слаще и верней?..

* * *

Через три года, прогуливаясь в окрестностях соседнего микрорайона, который пленил его тем, что в нём жила любимая учительница, Мальчик неожиданно встретил Бабарию.

В памяти ожили влажные стволы в молочной дымке.

– Бабария! – вскрикнул он что есть мочи. Взгляд его был прикован к шраму на белом ухе, ибо только по нему и можно было узнать прежнюю Бабарию в бесстрастном коротколапом существе с раздутыми сосками. Сделав вид, что не узнала его, собака слабо вильнула хвостом. Ей явно не хотелось заострять на себе человеческое внимание.

– Почему ты не хочешь играть? – спросил Мальчик, опустившись, как в былые дни, на одно колено.

Кто-то, услышав вопрос, пояснил, что Бабарии три года, и она уже взрослая.

– Как это – взрослая?! – закричал Мальчик. – Ведь ей только три годика, а мне целых двенадцать, но я ещё мал.

Ответом было молчание.

Мальчик осмотрел собаку внимательней, и понял, что она беременна. Поодаль развалился, безжалостно щурясь ему в спину, широкогрудый кобель. Мальчик догадался, что это муж Бабарии, и возненавидел его. Это он сделал его собаку взрослой и скучной. Мальчик уже знал, что такое семья, и как становятся беременными звери.

Взяв собаку на руки, как обыкновенную ношу (она не оказывала сопротивления), Мальчик пришёл на старую площадку перед домом, и долго возился, привязывая животное к

тополю. Когда же дело было готово, и он отлучился, собака легко, лениво сорвалась с привязи и ушла с широкогрудым, который, как оказалось, всю дорогу плёлся за Мальчиком, пока тот нёс на руках чужое сокровище.

Мальчик, проследив за ними, обнаружил дыру в подвал, где они жили...

Через месяц появились щенки. Они были такими же белоснежными, как Бабария – та Бабария, какую знал он в пору её детства. А ещё спустя месяц он воровато прижал к груди один из живых комочков и, нащёптывая щемящее имя «Бабария», понёс за пазухой домой. – «Может быть, если мы будем неразлучны, то станем расти незаметно и никогда не состаримся?» – думал Мальчик дорогою.

Часть первая Город Скир

Глава первая

Неровная точка набухла на горизонте – в районе зигзага из гряды холмов.

Неровная точка была прогалиной, которую степной волк видел впереди, а коршун – внизу. Двигаясь пунктирно – то исчезая в ложбинах, то возникая на вершинах холмов и молниеносно скатываясь с них, подобно расшалившейся звезде, – точка не производила впечатления добычи и сбивала с толку степных хищников. Волки залегли в осоке, поглядывая сквозь стебли, и потягивали носом воздух в надежде учуять кровь, а коршуны расширяли круги, словно брошенные в небо, но отбившиеся от рук камни, что зависли, позабыв о земном тяготении.

Никто пока не знал своего назначения. Всё живое находилось как бы на местах, и оттого степь не вызывала беспокойства у чужеземца. Сам себе он виделся отнюдь не точкой, а широкоплечим молодцеватым всадником в джинсовой куртке с закатанными рукавами, синева которой, сохранившаяся на обшлагах, подчёркивала многочисленные полнокровные вены на загорелых руках. Повод послушно лежал в больших суховатых ладонях, и насторожённость коня гасла, пасуя перед спокойствием, сосредоточенным в паре рук.

Лицо всадника было юное, но густо пропитанное пылью и загаром; заросшее щетиной, взгляд из-под взлохмаченных бровей на высоком лбу казался суровей, чем надо бы, и возраст за характерным обликом странника оставался неопределённым. Издали конь и всадник походили на двух невольников, несущих носилки с царственной особой, и не были, следовательно, замечены в сходстве с кентавром. За плечом у всадника покачивался походный мешок, который он почему-то отстегнул недавно от седла; за поясом торчал кинжал. Не одну соломенную шляпу износил он на летних маршрутах; то, что покрывало теперь его голову, напоминало развороченную копну.

Запах конского пота вперемешку с кровью, пущенной слепнями, достиг нюха трёх исхудалых волков, живущих не стаяй и не в одиночку. Полусонному вороному пригрезилась засада. Дав знать о тревоге сполохами дрожи в напрягшихся мускулах, он понёсся по тропе вдоль зарослей осоки. С другой стороны галоп сопровождала протяжённая возвышенность из спяянных холмов.

Всадник же, по имени Годар, взбодрился, приняв поступок коня за озорство и, максимально расслабив повод, отдался свежести, горячности, резвости скачки.

Вот уже четвёртые, или пятые, или шестые сутки – точного времени Годар не знал за неимением часов, длился плотный засушливый день. Солнце неподвижно стояло в зените. Спелое золото – прозрачное, в виде воздуха, или то, которое можно пощупать, сощурившись, глазом: выцветшая большей частью трава, колосющаяся пшеница, тонкие плитки облаков – лилось сверху и подымалось ввысь отовсюду, позолоту носили даже грачи на перьях.

В первые сутки Годар припадал к степи, как истосковавшийся по отчему дому принц-бродяга, спешащий от застолий под случайным кровом к королевской трапезе, где пьют медовые напитки и едят с золота. Годар вкушал тепло, радуясь затянувшемуся дню, поигрывал с ним, как с калачиком, который выхватил до срока из печи, разогретой хозяйкой последнего постоянного двора, чтобы кинуться скорее в дорогу.

Но солнце было не просто незаходящим, а ещё и полуденным. И хотя погода не менялась, время оттачивалось, блуждая остриём по уплотнившемуся воздуху. Манящее сплетение

лучей стало путаться, обвиваться вокруг грубеющими нитями. Перед глазами заплывали жирные мухи, превращаясь в свалявшиеся клубки шерсти. Клубки катились на Годара, оставляя за собой пропылённые золотистые нити – то разбегающиеся, то скрещивающиеся, то волнистые, то прямые и обрывистые, связанные в узелки или распадающиеся на ворсинки...

Запах собственного пота раздражал его. Куртка была не по погоде, но снять её и остаться в ситцевой рубашке он не мог: солнце оставило бы его без кожи. Приходилось то закатывать, то опускать рукава, застёгиваться, чтобы минут через пять снова ненадолго распахнуться.

Однако он не торопился приструнить коня. Нередкие ручьи задерживали его ненадолго. Отдых на привале у речушки мешал отдаваться размашистому, ухабистому и в то же время тонкому теплу степи. Он не хотел упустить и крохи.

Годар запрокинул голову и поглядел на солнечный диск. Едкое марево разделяло человека и солнце, но оба представляли собой строго вертикальную линию: дымящийся столб света стоял на макушке Годара, а когда он запрокинул голову, столб переместился на лоб. Веки отяжелели, но не сомкнулись. Годар резко прищпорил коня и помчался наперерез увернувшейся дугой просёлочной дороге ко ржаному полю. Из-под копыт летели перемолотые травы, отскакивали суслики, переворачивались кузнечики на крохах земли.

Столб света прыгал с макушки на лоб, со лба на макушку... Годар преследовал солнце. Солнце преследовало Годара. «А вот и обгоню, – подумал он не столько из упрямства, сколько из озорства. – Нагонишь ли?»

Конь, взвившись на дыбы, сбил со следа трёх изнурённых погоней волков. Но столб света и тут не отклонился, не опрокинулся, не размяк, не растаял. Лишь спутал, взьерошил совершенно мокрые волосы, что Годару в глубине души понравилось.

И тут же, словно по чужому наитию, не снижая скорости и не изменяя радости, он свесился с лошади, отхватил горсть земли от пригорка, и, слепив коричневый ком, запустил его вверх, метя в пылающий круг.

Он увидел вспышку и точку, поглощённую вспышкой. Конь остановился сам собой. Ком земли исчез бесследно, следов его не было ни сверху, ни внизу.

Солнце так и не покинуло своего места. Годар больше не запрокидывал голову.

Он впервые почувствовал, как разморило его за последние дни.

Утомлённый, раздосадованный и – одновременно – удовлетворённый, двинул он коня к колодцу у ворот города, окружённого могучими стенами.

Женщина в полупрозрачном платье и в шляпке вышла с ведром из ворот. На плече у неё смирно колебалась изящная сумочка, что шло вразрез с решительной мужской походкой. Округлые обтянутые бёдра покачивались с нажимом, упрямо, если не сказать – категорично.

Сошлись они у колодца одновременно. Спрыгнув с лошади, Годар достал флягу. Как мужчина, он решил взять инициативу и схватился поскорей за ворот.

Пока он тянул ведро из колодца, женщина не стояла без дела: нагнулась, закинув сумочку за спину, за пригоршней песчаной земли и принялась энергично начищать ведро круговыми движениями. Она не торопилась воспользоваться его услугами, терпеливо выжидая, когда он, наполнив флягу, поставит колодезное ведро на землю. Годар обратил внимание на старомодные агатовые перстни, сидящие, словно ящерицы, на узлах морщинистых пальцев.

Замызганные агаты искали его взгляда, в то время, как взор их обладательницы был погружён в себя или в работу – в точности он не понял.

– Скажите, пожалуйста, в какой мы находимся географической местности? – спросил Годар дружелюбно, без обиняков.

– А вы – это кто? – последовал молниеносный вопрос, и два больших, просвечивающих душу агата внезапно обнаружили на лице, бывшем до того замкнутым.

– Я – странник Годар. Путешественник. Или бродяга, если угодно. Несколько дней назад я покинул А-ское государство и углубился в лес на северо-запад, перешедший вскоре в степь.

Если бы у меня не потерялись в дороге часы, я, может быть, замерил бы, сколько это длится. Я имею в виду неподвижное солнце, которое всё время светит в макушку. Такое ощущение, будто я оказался в краю вечного полдня. Белые ночи я видел, слышал о полярном дне. Но всё это бывает немного иначе. В здешнем краю совсем нет ночей и длинных теней. Хотя кое в чём есть немало преимуществ. Например...

– Длинных теней не бывает, – прервала женщина категоричным тоном, с некоторой укоризной, словно подловила его на лжи. Взглянув с опаской на небо и не обнаружив вверху беспорядка, она несколько уменьшила силу назойливого свечения агатов на стареющем лице и выпустила стрелу затаённого раздражения по другому, неизвестному Годару адресу:

– Вот что бывает, так это разнузданные шуты, подрывающие авторитет Государя. Бывает бульон из королевских попугаев, ошипанных избалованными отпрысками знати. Вы тоже знатный юноша?

– Нет, я обычный странник, путешественник, – повторил Годар обречённые на провал правдивые слова. Он уже усвоил за время странствий, что сказать правду – лучший способ возбудить недоверие в незнакомце. Но справляться с искренностью не научился.

– А в нашу страну вы с какой целью пожаловали?

– Я хотел бы немного пожить среди абсолютного тепла. Так, чтобы знать, что оно никуда от меня не денется. Раньше я не думал, что это возможно, что есть такие края, хоть и очень жаркие. Хотя должен повториться: я приехал ни за чем, потому что не знал, куда ехал. Цель осеяла меня на месте прибытия.

Годар почувствовал, что сбивается с мысли и вот-вот впадёт в заумь:

– Наверное, страна необъятна, если её освещает, не сжигая, столь необычное солнце? Возможно, его возглавляет гуманный правитель, это редкость. Всегда было редкостью.

– Наше королевство просто карликовое, – остановила его категоричная женщина. – За воротами вы увидите несколько улочек и проспект. Все они ведут к центру, где расположена Дворцовая площадь. На улочках живёт знать, в окраинных кварталах – торговый и мастеровой люд. Да прибавьте сюда степь с пашнями, плантациями и деревеньками. Вот и всё государство... Не понимаю, кто и когда починит водопровод, осквернённый повесами из вертепа! Неужели мы так и будем ходить по колодезную воду, будто простые деревенские бабы! А ненароком ещё налетит...

Женщина оборвала неожиданную тираду, и, попрощавшись со сносной учтивостью, оставила Годара в задумчивости.

Он взобрался в седло и отъехал на десяток шагов назад, чтобы иметь возможность заглянуть поверх городской стены.

Монументальные барочные крыши, как видно, учрежденческие; элегантный шпиль готического собора, серебристая корона причудливого дворца неопределённого стиля, дымящие трубы современных заводов – весь незнакомый город, словно привстав на цыпочки, подтягивался, чтобы получше разглядеть пришельца.

Годар застеснялся города. В гостеприимстве, в котором ему, видимо, не отказывали, чувствовалась какая-то дистанция.

Стройные белые стены многих добротных домов завершали залихватски приподнятые крыши. И всё это – на фоне пронзительной синевы, такой же родной, как небо во сне. В этой близости и необходимости города было что-то излишнее, подозрительное. Не всем жилищам этого города, подумал он, идут приподнятые крыши. Захотелось нахлобучить на лоб остатки соломенной шляпы, которые сдуло во время скачки.

Полицейские у ворот впустили его, не спросив имени. Ему лишь порекомендовали с сухой вежливостью оставить в конюшне лошадь – это рядом, – так как в черте города возбранялось передвижение верхом.

Последнее являлось прерогативой полиции.

Требование не вызвало протеста. Далее он следовал пешком. Он видел редкие кареты, которые были скорее роскошью, чем средством передвижения.

Королевство, как выяснилось позже, и впрямь оказалось мизерным. Пока же он, ориентируясь на спешащую впереди женщину с ведром и изящной сумочкой через плечо – единственного знакомого здесь человека – брёл, неуверенно осматриваясь, по проспекту, который казался запруженной камнями рекой.

Грубые булыжники, лежащие в мостовой неровно, кое-где не на местах, явно не шли к элегантным дамским туфлям. Мужские же туфли были однообразно-тоскливыми, и, напротив, очень подходили к булыжникам.

К владельцам обуви – а их на проспекте было пруд пруди, – Годар не присматривался, так как брёл, не поднимая головы. Он знал, что слишком отличается от здешних жителей – отличается уже одной одеждой.

Годар поравнялся с новой знакомой. Держа на весу полное ведро, она потрясала сумочкой у лотка с навесом. Торговец, повернувшись к ней вполоборота, отвечал на какие-то вопросы отрывисто и сердито. Женщина отстаивала право на минимальную цену, мотивируя его отсутствием лишней монеты в сумочке, что объяснялось суматохой, в которой ей приходится выполнять служебные обязанности. Ведь кто-то же должен отвечать за жизнь королевских птиц. Сходить же домой за деньгами и вернуться она не может.

Ведь кто-то же должен...

Будничная эта сценка проплыла мимо Годара. Он уловил из услышанного главное: в городе какая-то сумятица. И обнаружил теперь её признаки. Те горожане, которых он принял вначале за праздных гуляк, растерянно скользили взглядами по спинам и затылкам впереди идущих. Все были подтянуты, имели крепкую благородную поступь, однако, почувствовав затылком скользящий взгляд, сбивались на шаркающую походку. Тогда становилось явным, что большинство горожан на проспекте – люди пожилые.

Однако, чтобы заметить признаки жалкой старости, надо было застать их в домашней одежде после душа и рассмотреть с ближайшего расстояния.

Мужчина, поймавший взгляд на затылке, в конце концов оглядывался. Сутулость и шаркающая походка, на которые сбивали пристальные взгляды, исчезали, когда глаза встречались с глазами. Мимолётная надменная улыбка слетала с губ на долю секунды раньше, прежде чем господы, приподняв шляпы, отворачивались друг от друга. Немые ссоры не становились предметом огласки даже среди их участников. У некоторых одиноких прохожих лица были такие, будто они ссорились безадресно.

Годар не смог дать подмеченному объяснения. В ноздри вьелся неожиданный, неуместный запах овечьего сыра – это чуть не вызвало удушье. Поравнявшаяся с ним женщина с ведром хлопотливо несла в полуразвёрнутом виде головку сыра. Её разъяснения по поводу инцидента в городе притупили его любопытство. Из слов женщины следовало, что ночью в Шёлковом вертепе, то бишь в Казённом доме на Шелковичной улице, состоялся офицерский банкет по случаю формирования королевского войска.

Всё шло своим чередом. Ровно в десять молодые повесы выстрелили шампанским, в двенадцать громыхнули жестяными кружками с пивом, а в два – затопали каблучищами по паркету. В три тридцать, как обычно, раздался звук лопнувшей струны, и далее играли на стульях... Из окошка то и дело высовывалась девица – на долю секунды, чтобы не заметили и не вменили нарушения Границы между Ночью и Днём. Однако было замечено, что девица всякий раз другая... В пять вывалилось первое стекло из рамы, да так аккуратно, что осталось целым, а образовавшиеся по краям зубчики показались такими затейливыми, что поутру стекольщики не стали ничего обтачивать: так и загнали обратно в раму. Но стекло-то снёс не кто иной, как королевский шут Нор. Уж его-то она, государева птичница, узрела с расстояния вытянутой руки, только разве Государь усомнится в любимце? А если и усомнится, то в очередной раз

размякнет от его небылиц. Шут в королевстве – персона неприкосновенная. В вертепе он пребывал ночью инкогнито.

Молодые повесы почему-то не стали выбивать второе окно. В разбитое же, через приоткрытые на четверть ставни, что само по себе противозаконно, повывлетели пустые бутылки, наполненные сигаретным дымом. Зато к шести воцарилась ангельская тишина, будто дебоширы способны были уснуть. А ровно в шесть, когда взлетают вверх шторы и начинается день, никто из повес не вышел наружу. Все ставни в вертепе были сомкнуты.

Самое же удивительное выяснилось позже. На улицы Скира вышли только дворники, имевшие привычку приводить поутру в порядок мостовые на голодный и сухой желудок.

Все остальные жители, словно позабыв о времени суток, а главное, о работе, тоже не раскрыли ставней и не подняли штор.

Безлюдный город пребывал в абсолютном молчании.

Когда же не смыкавшая глаз птичница открыла помещение, где ночевали внутри странной клетки отборные королевские попугаи, то и попугаи не удостоили Суэнское солнце каким бы то ни было вниманием. Дно клетки украшала пёстрая горка из тёплых, разморённых тел с полуоткрытыми клювами...

Сам король не проснулся сегодняшним утром. Дворец походил на вымерший улей. Тщетно носились дворники и птичница Марьяна по сонному королевству, поливая его поданных водопроводной водою: подданные отвечали на заботу таким единодушием, какого Марьяна – управительница королевского Птичьего двора – не видывала на своём веку.

К трём часам дня от разноцветной горки на дне клетки стали медленно отделяться и подниматься к жёрдочкам, словно пузырьки в сифоне, первые птички. Они клевали носом и наотрез отказывались отвечать на вопросы Марьяны.

Одновременно в разных частях города стали поскрипывать ставни, и на улицах появились люди, среди которых нашлись служащие полиции и департамента внутренних дел. Экстренное следствие установило, что в городской водопровод был подмешан шнапс с сонным зельем. И то, и другое молодые бедокуры обнаружили в подвале вертепа, после чего тайно проникли к центральной трубе, и предрассветный стакан воды, с принятия которого суэнцы начинали день, вновь свалил их в постели. Ночь продлилась в итоге до трёх часов дня.

Молодые повесы были взяты под стражу, королевское войско – расформировано, а день, ввиду праздности, объявлен выходным. Знатные вельможи-отцы по сей день платят золотом и шёлком штрафы в казну. Знатных повес выпускают в порядке очередности, в зависимости от размеров выкупа.

Чуть позже Годар узнал из беседы двух прохожих-ремесленников, что сонным зельем был осквернён не весь водопровод, а одна его ветвь, несущая в жилища скирян воды минерального источника.

Традиционный предрассветный стакан любезного вкусу целительного напитка наливали, как водится, прямо из крана. Да что там говорить, сокрушались беседующие господа, при любезном сердцу короля Птичьем дворе были на сей случай предусмотрены автоматические поилки. Город остался без попугаев, будь они прокляты. И как только умудрились раскопать часть трубы под вертепом уволенные нынче офицеры, как исхитрились сместить Границу между Ночью и Днём, формально не нарушая буквы закона?..

К ночи, однако, вода сортировалась и подавалась в коммунальные объекты исправно: иностранец определил это по отсутствию новых версий.

Глава вторая

Славный рыцарь Годар, прибывший в ослабевшее Суэнское королевство из Стран Неестественной Ночи с тем, чтобы вызволить его из путины внутренних противоречий и избавить от налётов врага, благородный витязь Годар, зачисленный в королевское войско Указом Его Величества короля Кевина I от шести вечера, был приглашён в день прибытия на офицерский банкет по случаю формирования нового состава королевского войска. Приглашение вручил Годару дежурный чиновник департамента иностранных дел.

Напрасно Годар отстаивал право на другие намерения; доказывал собственное – отнюдь не знатное – происхождение, рассказывая перипетии родословной; напрасно просил проверить достоверность королевского указа, который, по его мнению, не мог появиться спустя всего час после появления в городе неизвестного странника – клевавший носом пожилой чиновник мягко, но настойчиво рекомендовал явиться витязю королевского войска в Казённый дом на улице Шелковичной не позднее десяти часов, чтобы не подпасть под статью о нарушении Границы между Ночью и Днём.

Так как время в Краю Полуденного Солнца определялось по часам – настенным, настольным, наручным – которые согласовывались с курантами на часовой башне, что располагалась в ансамбле Дворцовой площади, а стрелки настольных часов в кабинете чиновника подтягивались к назначенному сроку, Годар счёл разумным поспешить на Шелковичную улицу в некий Казённый дом, получивший у населения с лёгкой руки птичницы Марьяны славу вертепа, прозванного Шёлковым.

Ему и в самом деле показалось неудобным приземистое бревенчатое здание, похожее на обронённый посреди двора спичечный коробок. Коробок окружали сомкнутые деревянные домишки, соединённые общей террасой, которая встречала и увлекала с собой по кругу взгляд незнакомца, не допуская до распахнутых в глубине ставней. Из утрамбованной земли торчали кое-где пучки травы вперемешку с пеньками вырубленных кустов.

На фоне общей невзрачности и тишины постукивание молоточка где-то в глубине кружения показалось Годару дурным знаком.

Башенные куранты, слышимые повсюду, пробили начало ночи.

Годар взлетел одним махом на крыльцо Дома, толкнул плавно отпрянувшую дверь и, проходя в полутьме коридора, услышал, как хлопнули разом все ставни и упали шторы.

Чьи-то тени отплыли от наглухо задрапированных от солнца окон. Зажглись свечи и осветили Ночь, простенькая процедура обустройства которой поддерживалась до того огоньком зажигалки. Теперь, когда запылали подсвечники и бра, эта точка света стала невидимой. Зато вспыхнули сигареты, сразу же вслед за этим затухшие. Люди, находившиеся в длинной зале, стены которой были увешаны ножами из-под холодного оружия разных стилей и веков, встали за большой овальный стол. Выстрелило канонадой шампанское. Скрещённые тени от рук с бокалами образовали узор на стенах.

– Да здравствует Его Величество король Кевин Первый! – произнёс кто-то взволнованным баритоном.

– Слава Государю! – прогремел чёткий бас.

– Слава Государю! Слава Государю! Слава Государю! – эти слова несли по кругу, как чашу вина, не соблюдая, однако, строгой очерёдности. Их мог выкрикнуть, как бы от избытка чувств, человек, находящийся через несколько голов от предыдущего славословца. Тогда круговое движение, не дав сбой, слегка замедлялось, вернувшись ненадолго назад. Голоса, через которые перескочили, поочерёдно давали знать о себе. Когда очередь вновь доходила до нетерпеливого, тот снова повторял тост, но уже спокойнее, твёрже.

Шествие имени монарха приближалось к черте, где стоял в отдалении Годар, не видя своего места и не понимая своей роли.

– Слава Государю! Слава Государю! – отвесили сильным грудным девичьим голосом, после чего последовала заминка.

На Годара оглянулись. Одна из оглянувшихся – девушка с прямыми, огненно-чёрными волосами по пояс – указала ему на свободный стул слева от себя.

Годар, шагнув к столу, выкрикнул надтреснутым, чересчур громким голосом:

– Слава королю Кевину Первому!

Собственное имя монарха было передано через него от девушки к соседу справа. Тот вцепился ему в руку влажной ладонью. Другая рука Годара оказалась в твёрдой, гладкой, словно полированная дощечка, ладони девушки.

Эта гибкая дощечка свернула его пальцы в кулак. Сердце его вдруг начало бешеную скачку. К груди приливали две враждебные друг другу волны: одна – полная возвышенного негодования, прямо-таки ярости на какого-то неясного врага, способного отнять или запятнать имя; другая – столь же сильная – вся из трепетной нежности, из радужной морской пены и искрящихся брызг.

Потом наступило расслабление, бездумная задумчивость, навеянная тихим проникновенным тенором в левом краю стола. Протяжно, с чувством ритма, затянули песню на незнакомом языке. Каждый вступал в хор по мере того, как высвобождался из сгустка собственного пафоса, не расставаясь, однако, с ним насовсем, скорее, расширяя его, делая прозрачным, принося в собственный жар ещё и наружное тепло.

Годар, высвободив на секунду обе руки, взял ладони соседей поудобней и, крепко стиснув, не выпускал до конца песни.

Пели негромко и печально. О непонятном. Тревога нарастала. Но хор становился громче, и дружные стройные голоса единодушно устранили тревогу. Она возвращалась. Её устранили опять. Ярость, нежность и бездумная задумчивость чередовались. Три этих состояния внезапно слились воедино, когда один из поющих опустился на стул, положил на колено гитару и властно провёл по струнам.

Песня замерла.

Большеголовый парень в тёмно-синем кителе с серебристыми погонами без всяких знаков, в синих форменных рейтузах и узких сапогах, с такой же, как и у всех офицеров, саблей на боку, отличался от других только цветом широкой шёлковой ленты через правое плечо, которая служила, видимо, единственным знаком различия.

Лента у парня с гитарой была бежевой. Склонившись над инструментом, он сосредоточенно терзал струны, заставляя их повторять все изгибы и изломы песни. Тревога стала полней. Она огрызалась, трепеща, наступала, раздуваясь от гнева. Но и боролись с ней яростней. Все смотрели с волнением, как струится пот по рябым щекам большогоголового офицера, как темнеют, увлажняясь, густые рыжие волосы. Иногда он поднимал лицо и глядел вдаль невидящим взором, полным суровой нежности. Тогда Годар думал, что тот – поэт, и одновременно мучился от неуместности, несправедливости подозрений.

Всего витезей – так, по-старинному велеречиво, именовали в странной стране сотенных командиров королевского войска – было девять, не считая Годара.

Все были молоды, едва ли не одногодки – его одногодки. Между ними пребывали четыре девушки в декольтированных вечерних платьях, сплошь в шелках. Он видел таких девушек разве что на иллюстрациях к романам девятнадцатого века. «Под какое время они стилизуют? – подумал он с интересом. – Надо выбрать, как здесь держаться».

Музыка уходила постепенно, выбивая из сил гитариста. Он заиграл мягче, приглушённой, словно моля об отсрочке. Но музыка увернулась, вылилась в чистый замирающий звук

одинокой струны. Потом раздался шум последнего, басового, аккорда, похожий на суровый хлопок дверью. Офицер с бежевой лентой, высвободившись от гитары, резко встал.

– Слава Кевину, господи! – сказал он хрипло, и все осушили бокалы, наполненные до краёв во время неистовства музыки.

Выдержав паузу, офицер повёл разговор, держа пустой бокал, как подсвечник, и направляя в разные стороны.

– Господи! Хотя мы и не знакомы, я имел честь видеть каждого из вас. Все вы хаживали в разное время возле родного моего дома в Суэнском переулке. Вы, господин с малиновой лентой, отправлялись по вечерам к учителю музыки. Ваша... прости... твою скрипку мелькала в проёме окна, куда я поглядывал из глубины залы, два или три раза в неделю. Я запомнил разрисованный цветными мелками футляр и твой античный профиль. Когда ты возвращался обратно, в профиле была нарушена пропорция, а футляр был лишён рисунков. В это самое время из окна в доме напротив античный твой профиль и размалёванный футляр мог видеть витязь с сиреневой лентой... Братец, не подскажешь, что товарищ, выбравший малиновый цвет, рисовал на своём футляре? Я близорук с рождения, ты же глядел на небо в самодельные телескопы, заставив ими не только чердак, но и балкон, выходящий к моему дому. Походившие на разросшиеся во все стороны кактусы, они напоминали тебя, твою стриженную под ёжик голову. Прости, но ты всегда был так занят, что мы так и не сумели познакомиться. Хотя с тобой дружил мой товарищ по Шахматному клубу. Тот, что безнадежно влюбился в дерзкую девчонку Лану, которая прислонилась сейчас к плечу единственного господина, которого я не видел нигде, никак – даже в деталях общего потока. Он в штатском, и одет, как чужестранец. И всё-таки этот витязь, не обозначивший себя цветом, тоже ходил, сужая круги, возле родного моего дома в Суэнском переулке. Потому что я о нём читал!

Годар, слушавший офицера с интересом и растущей симпатией, выпустил от удивления из поля зрения его красивое раскрасневшееся лицо, мощную шею с напряжёнными мускулами, похожими на перекрученные бинты, выдвинутое вперёд плечо с расслабленно возлежавшей бежевой лентой. Вниманием Годара завладел бокал, сквозь который блеснуло в его сторону пламя дальней свечи, что угодила на мгновение в поле стекла.

Все сразу заметили Годара. Он почувствовал это осязанием: скольжение многих взглядов по лицу и одежде, под которой была ещё и кожа, но не стал отводить каждый из них улыбкой. Прищурившись, он пристально смотрел в лицо говорившего офицера и одновременно держал в поле зрения огонёк, то и дело растворяющийся в фокусе стекла бокала.

– Я читал о нём короткими вечерами, так похожими друг на друга, что мне теперь кажется, что вечер был только один, и герой, про которого я читал в иностранных книгах из библиотеки отца, тоже был один. Я читал о нём, пока ты, Малиновый витязь, разучивал соло для скрипки, а ещё один будущий наш товарищ, Сиреневый витязь, вытягивал моего друга из путины безответной любви, показывая ему места на безоблачном синем небе, где должны быть, по мнению астрономов, звёзды. В последний раз книга называлась «Сказанием о Георгии, поразившем...» – Бежевый витязь запнулся. Краска сползла с его щёк. Он наполнил бокал и произнёс поскучевшим голосом: – Будем знакомы: Давлас.

Все, в том числе и Годар, последовали его примеру – представились и выпили. После чего наступило время трапезы. Теперь можно было расслабиться и завязать беседу с ближайшими соседями по столу.

Годар наклонился к Лане:

– Скажи, пожалуйста, где можно достать форму?

Девушка иронично парировала:

– Ты чувствуешь себя обнажённым?

– Скорее, чересчур одетым.

Лана спокойно и лукаво смотрела ему в глаза с расстояния десяти сантиметров.

Усилием воли он сдержал инстинктивный порыв застегнуть верхнюю пуговицу на куртке:

– По правде говоря, я не совсем понимаю, кому и зачем я здесь понадобился. Скорее всего, произошла ошибка. Но я готов служить вашему королю даже по ошибке. Вот только бы найти человека, который бы разъяснил мне мои обязанности. И форму. Хотя бы без шёлковой ленты.

– Так не бывает, – засмеялась Лана, – сотенные командиры без ленты в природе не встречаются. Иначе ратники потеряли бы знаки различия, и вместо войска перед Его Величеством предстала бы тысяча обычных мальчишек. Когда ты выберешь ленту, твои солдаты сделают себе на погоны нашивки того же цвета.

– Ну, и где же у вас ленты?

– О, это вопрос сложный! Ленты, как и форму, изготавливают семейные портные. Всё это готовится с детства, и не зависит от того, назначат ли владельца мундира и ленты в королевское войско и станет ли он сотенным. Выбрать цвет проще. Такому сироте, как ты, это проще простого. Думаю, тебе следует поступить так, как поступил однажды граф Аризонский. Человек, открывший эту землю и основавший наше государство, великий географ и путешественник граф Ник Аризонский, приведя сюда отряд поселенцев, воткнул штырь с зелёным полотнищем недалеко от места, где теперь Королевский Дворец. Но здешнее солнышко за пару недель сделало флаг неотличимым по цвету от растресканной глины.

Среди поселенцев было много умельцев – с графом в будущую Суэзию пришла не только знать, но и люди попроще: доктора, учителя, ремесленники, крестьяне. Были среди них и учёные. Последние занялись изобретением закрепителя красок. Но, какие бы красители они ни употребляли, каждое новое полотнище вскоре превращалось в ветошь цвета глины. Государство, которое предстояло построить, рисковало остаться без Флага, если, конечно, не держать его вечно, как узника, в стенах Дворца. И тут появились феи. Бродячие, похожие на цыганок. Самую красивую из них граф Аризонский взял в жёны. На других женились некоторые холостые поселенцы. Супруга Аризонского собственноручно изготовила шелкотканое полотнище. Волшебную материю называли впоследствии вечным, нестораемым шёлком. Из суэнского шелка шьют теперь вечерние платья знатным дамам. Из него же изготавливают ленты сотенных командиров и нашивки на погоны рядовым.

Но даже нестораемое, не ветшающее рукоделие феи не смогло удержать краску: зелень полотнища выцвела под неумолимым солнцем.

Тогда фея предложила поднять на флагштоке прозрачный шелкотканый флаг, сквозь который можно было увидеть все изменения облаков, все оттенки белого на фоне золотисто-голубого неба, или любой другой цвет, который придумается взглянувшему.

Граф счёл затею единственно разумным выходом из положения. «Что ж, пусть каждый видит то, что ему увидится. Был бы только разумен правитель, – решил он. – Всё равно, больше того, что есть на свете, не увидишь».

Когда же флаг вознёсся над поселением на длинном металлическом флагштоке, Аризонский, согласно шутивому ритуалу, придуманному супругой, взглянул, приставив козырьком ладонь ко лбу, на полотнище, и, усмехнувшись, заказал себе новый сюртук: тёмно-зелёный, точно такой, в каком был одет в тот день, даже того же покроя. А первым правителем назначил, короновав, своего лучшего друга Джона. Сам он предпочёл политике занятия наукой... Начало причудливому нашему государству положил союз географа и феи. Так гласит легенда... Или сплетня!

Последнюю фразу Лана, говорившая до того вполголоса, произнесла шёпотом.

Годар вздрогнул и очнулся от очарования рассказа. Глаза Ланы смеялись.

Витязь с алой лентой, тот самый сосед по столу, с которым они держались во время пения за руки, выстроил, сдвинув в линию, три бокала.

– Господа, предлагаю трёхсторонний брудершафт. Ну-ка, рыцарь, передвинься.

Годар и Ник – так звали Алого витязя – поменялись местами.

Ник наполнил бокалы, зажал средний двумя соседними и ловко приподнял все три, держа побелевшими пальцами только ножки боковых.

– Возьмите меня под руки, – прошипел он, не шелохнувшись.

Лана и Годар поспешно, но осторожно проделали свои руки под локти витязя.

Пригнув голову, Ник поочерёдно отпил из всех трёх бокалов ровно столько, сколько можно отпить, не накрывая их. Опустив конструкцию на стол, он удовлетворённо сказал:

– Так как фокуса вам, господа, не повторить, предлагаю всё перемешать и допить традиционным способом.

Бокалы накрыли офицерским кивером и несколько раз переместили в три руки, после чего Ник, Годар и Лана, чокнувшись, выпили за дружбу.

Закрутилась грампластинка с танцевальной мелодией. Ник пригласил на танец их обоих, молча вытянув из-за стола за руки. Положив друг другу руки на плечи, все трое пошли делать круги в ритме музыки, но потом, развеселившись, убыстрили темп и сломали прежний ритм.

Музыка отстала.

Поодаль выделял в одиночестве свои па Давлас. Две девушки приплясывали, похотывая, и подмигивали Нику, который, двигая пританцовывающей бровью, зазывал их в свой танцевальный круг. Ник был худощавым брюнетом с густым чубом, сероглазый, с неповторимо-зажигательным шальным взглядом, который плохо увязывался с уравновешенным внешне темпераментом... Проплыла, нырнув в их круг и тут же покинув его, ещё одна девушка. Давлас взял её за талию и завальсировал.

Несколько раз танцы прерывались, хотя пластинка продолжала крутиться вновь и вновь, всё одна и та же. На пяточке, где танцевали, чуть не на ходу произносили тосты, и все пили. Бокалы для удобства сгрудили на краю стола, за которым начинался пяточок. Годар, не понимая себя, шёл, поводя плечами, на Лану, и, казалось, проскальзывал сквозь неё. Лана была как прозрачная податливая стена, о которую не хочется опереться. Хочется окунуться в неё и войти, задержавшись ровно настолько, сколько длится один шаг в лёгкой цепочке других шагов. Из одной прозрачной, будто светящиеся лунным светом стены, он сразу попадал в другую: другой человек шёл на него, поводя плечами, а если таковой подворачивался не сразу, Годар делал шаг-другой в сторону и нырял в кого попало. Он уже не интересовался, в кого. Край освещённой одними свечами комнаты, где вершились танцы, не поскупился впустить в себя лабиринт из прозрачных человеческих душ, будто специально скинувших перед Годаром тела. Все называли его славным доблестным рыцарем Годаром. И отдавались в танце. И вели за собой.

Блаженно улыбаясь, он благодарил всех краткими сумбурными тостами, неясными движениями. Он кивал налево и направо. И бежал лёгкими звонкими шагами по коридорам лабиринта, и хотел только одного: всё новых коридоров. Таких, из которых можно вновь попасть в прежние. Но так, чтобы прежний коридор ждал его как новый, как очередной.

Но и коридоры шли сквозь него, как токи. И это было самым сладостным. Он словно сжимал до хруста плод граната, и сок, брызнувший сквозь треснувшую в разных местах кожуру, пьянил не только его, но и плавно бегущий навстречу коридор. Неожиданные перекрёстные коридоры проскакивали сквозь него сбоку, резко поворачивали к себе и озорно струились сквозь замирающее сердце. Души бежали друг в друга и не мешали друг другу: потерявшие имена, тела, не отдельные, неотделимые от него, как родная кожа. То вальсируя, то исполняя свободный танец, Годар мог двигаться в любом направлении, не слушая музыку, бросаться навстречу не пройденному коридору и менять своим темпом его темп – сбивать с ритма, чтобы слегка насладиться хмелем замедленного шага. Всего лишь одного шага в бесконечной цепочке, которую можно рассыпать и соединять вновь. Иногда он кидался на коридор сбоку первым, и уже он, Годар, менял направление коридора, а не наоборот.

Порой две души отделялись и проскакивали друг сквозь друга, словно две крошечные комнатухи. В миг проскока образовывался срез коридора – будто отрезанный ломтик рулета. Его сладостно притягивал сокращённый в то самое мгновение коридор и ломтика – как ни бывало. Лабиринту хотелось длиться и быть непонятным тем, кто оставался в тени, где-нибудь за столом, предпочитая быть освещённым одними свечами. Однако все присутствующие были внутри, и тем, кто мог бы, пожав плечами, вызвать к себе высокомерную жалость, взяться в этот час было неоткуда.

...Когда подустали и присели, как на иголки, за стол, взволнованные, трогательно-любезные, готовые перекувыркнуться друг к другу через скатерть с пролитым вином, во главе общего порыва встал Давлас.

– Господа, я люблю вас! – он держал бокал в вытянутой на всю длину руке, не глядя ни на кого конкретно, но каждый знал, что отражается в его слегка помутневших, исступлённо-синих глазах. – Да простят меня дамы, что и их я называю величальным словом «господа». Вслушайтесь в него, братцы... Я люблю тебя, Малиновый витязь, за то, что ты наконец добрался до моего дома, который был ещё вчера в Суэнском переулке. А тебя, Сиреневый мой звездочёт, я люблю за то, что ты предпочёл найти меня и Малинового витязя лишь сегодня. Я люблю тебя, рыцарь Годар, за то, что ты пробудил во мне любознательность. А тебя и твоих подруг, милая моя Ланочка, я люблю просто так... Просто так. Просто так! Да!.. Я, кажется, люблю просто так даже ЕГО...

Пауза за осечкой затянулась, словно у Давласа образовался провал в памяти.

Годар не понял, почему все опустили глаза в тарелки, хотя никто не отставил бокала.

Давлас, покачнувшись, кашлянул и последующие слова произнёс ровным, твёрдым голосом:

– И, конечно же, я люблю короля Кевина и дочь его Адриану – это так ясно, что не нуждается в повторениях. Мы закрепили своё чувство к королю в двух простеньких, цепляющих за душу словцах: «Слава Кевину!». Это полезно произносить по буквам, чтобы ощутить на языке вкус.

Он опять помолчал. Всё в нём дышало искренностью, подкупало мужественностью. Лана, сцепив руки на коленях, не смотрела в его сторону, но видела каждое движение губ, каждую каплю пота, увлажняющую выступившую за ещё не оконченную ночь щетину. Годар понимал это, не глядя на Лану. Ему хотелось подмигнуть кому-нибудь, и в этом не было примеси грусти, потому, что подмигнуть всем сразу не представлялось возможным. Годар касался сам себе причёсанным, побритым и – одновременно – сладко-небрежным, способным на хамскую выходку. Он мог бы, например, дёрнуть Лану за косичку, если бы таковая у неё имелась. Или стащить с тарелки Ника кусок бифштекса.

И тут, словно подслушав его желание, Давлас выкинул грандиозную шалость.

– А слабо переставить буквы местами? – вкрадчиво спросил он и поочерёдно обвёл все лица почти безумным взглядом. – Разве перемещение в буквах имени изменит объект поклонения? Слабо испытать свои чувства, господа? Мне не слабо. Унивек авалс!

Годар услышал, как заиграл минорно вдаль, за наглухо зашторенными окнами, трубач, и тут же смолк, запнувшись на полуноте. Годара словно отнесло на несколько метров вглубь моря мощной солёной волной, и торжествующий голос Давласа он услышал издалека.

– Что изменилось, господа, кроме направления? Была бы сила, а... Гм.

– Унивек авалс! Я люблю тебя, Бежевый витязь! – выкрикнула Лана.

– Я знал это, моя девочка, – донеслось от Давласа.

Несколько секунд спустя он держал под сидение одной ладонью стул с чинно восседающей на нём улыбчивой Ланой и молил, протягивая свободную руку:

– Даму! Ещё одну даму!..

Но сцена эта мало кого занимала. Места за столом вновь опустели. Витязи и дамы, разбившись по двое, по трое, разбрелись по всей комнате и шумно беседовали.

Годар тоже поднялся. Он видел, как Давлас отнёс стул с Ланой к окну, сел на пол и накрыл ладонью обе её кисти, по-прежнему сцепленные на коленях. Ник, бухнувшись в одно из кресел, счищал ножичком кожуру с апельсина.

Не зная к кому присоединиться, Годар отошёл к стене, где смутно виднелась какая-то картина в массивной позолоченной рамке. Картина оказалась портретом мужчины, стоявшего в полный рост среди распаханной степи. Из-за спины его высовывался флагшток с прозрачным полотнищем.

Фигура мужчины, казалось, находилась в десяти шагах от смотрящего. Годар сначала решил, что это – король Кевин, но, когда осветил портрет свечой, краски ожили и выдали одутловатое лицо пожилого человека в зелёном сюртуке.

Художник наложил на дряблые щёки загар, придал усталым глазам маслянистый солнечный блеск, но герой портрета всё равно вышел из образа счастливой, благообразной старости. Степь на картине сморщилась, стала жалкой. Захотелось отодвинуть, словно потайную дверь, одну из стен, но это желание не являлось необычным: в комнате не было предусмотрено места для танцев – танцевать приходилось на узком пятачке за левым концом стола.

Годар взглянул украдкой в сторону Ланы. На месте, где был только что стул, колыхался прикрытый шторой бугор. Его потянуло туда же, как на свежий воздух. В этот миг Лана выпорхнула и побежала, путаясь в оборванном шнуре со шторы, поправляя растрепавшиеся волосы. На пути её вырос Ник, галантно поцеловал в щёку. Она погладила его по плечу и встретила взглядом с Годаром.

Годар кинулся навстречу. Обнявшись, они присели и нырнули под стол. Он откинулся на спину, а Лана, примостившись рядом, облегла его, словно сбившееся одеяло. Всё время хотелось поцеловать её в лоб, откинув чёлку.

Лана была единственной на вечере девушке без причёски, и это ужасно нравилось.

Вокруг мелькали ноги. Только в одном месте край скатерти был вздёрнут на спинку стула, и в открывшийся обзор попали настенные часы с выскочившей кукушкой. Стрелок он не видел, а кукушку слушал машинально. Но когда она заскочила обратно, снаружи прилетела ещё одна кукушка и уселась на место прежней. Всё это Годар фиксировал бездумно. Однако вторая кукушка разрушила логику реальности и сконцентрировала на себе внимание. Оказалось, что это – волнистый попугайчик: смирный, нахохлившийся, противно-живой. Снова потянуло на шалости. Можно бы пухнуть в попугайчика из рогатки. Возник порыв немедленно смастерить рогатку. Он поделился намерением с Ланой.

– А знаешь, Давлас приоткрыл створку и мы увидели день, – ответила Лана, глядя на него осоловевшими глазами.

– Давлас – наш командир? – спросил Годар сухо.

– Над сотенными нет командиров. Ими верховодит только король, – голос её струился тихо, мечтательно и тоже обволакивал. – Давлас – отличный парень. Такой же вчерашний студент, как и остальные. Только бойкий.

– Ага, – выронил удовлетворённо Годар.

– А мы, девушки, состоим в качестве военнослужащих медбытчасти. Она формируется ещё медленнее, чем сотни.

Годар промолчал, удовлетворённый и ответом на немой вопрос о «качестве». В порыве благодарной откровенности он выпалил вопрос, обращаемый обычно к близким друзьям:

– Как ты думаешь, люди собираются для того, чтобы делать дело или делают дело для того, чтобы собираться?

– Сходи утром на площадь, присмотришься к Флагу и выбери себе цвет, – выдала Лана идею, притянутую к привеске в форме легенды. Засмеявшись, она обвила всё его наглухо застёгнутое

туловище. – А знаешь, язык фей сохранился в текстах старинных песен. Только мы позабыли значения слов. И поём эти песни, не понимая.

Звон бокалов, звуки голосов и шагов напоминали шум перебиваемого ветром дождя. Он окружал их, не касаясь. И вдруг некто встал на четвереньки и посмотрел на их убежище оттуда – из дождя.

– Иди к нам, Ник, – поманила Лана.

Ник, выгнув спину, грациозно переместил все четыре конечности и повис над ними в позе отжимающегося атлета.

– Годарчик, посмотри, пожалуйста, что у меня в рукаве, – попросил он ласково.

Годар похлопал его по рукаву мундира, нащупал плоский круглый предмет и попробовал извлечь, нырнув в рукав ладонью. Не получилось. Годар нырнул ещё раз, уже под рукав сорочки, и извлёк карманные серебряные часы с цепочкой.

– На память. В знак дружбы, – скромно сказал Ник. Другой рукав он предложил Лане, и та извлекла золотой медальон с изображением Мадонны.

Ник, протяжно вздохнув, плавно опустил туловище, принакрыв обоих грудью. Теперь они с Ланой касались друг друга плечами Ника. По запястью Годара разливалось тепло – этой частью руки он коснулся горячей кожи товарища. Нырнув в рукав Алого витязя за медальоном, Лана тоже запечатлела на запястье его прикосновение, и Годар теперь чувствовал близость Ланы, как никогда.

Шум дождя ушёл ещё дальше. Потом ушёл и Ник. Но сразу же вслед за тем, как Ник, выбравшись из-за стола, поднялся с четверенек, шум дождя распался на звон бокалов, звуки голосов и шагов.

Шумы и звуки проникали отовсюду, подобно плотным каплям, которые можно было не только слышать, но и смутно видеть. Самой большой каплей был невнятный, взбудораженный голос Давласа. Обращаясь к Нику, Бежевый витязь вытягивал признание в краже из кафе в Суэнском переулке ящика шампанского. Ник охотно сознался, и воспоминание о совместной проделке стало для присутствующих признанием в давнем знакомстве. Выяснилось, что Ник и Давлас сдвигали бокалы ещё до назначения в войско. В ход пошли подробности других поделок, во время чего обоим изменила память. Вернувшись медленно к первой проделке, каждый вспомнил, что выпил большую часть содержимого ящика, с кражи которого завязалось знакомство, и теперь, чтобы решить, кому досталась меньшая часть, приятели потребовали такой же ящик. Кто-то побежал в подвал. Ноги замельтешили...

На стол водрузили что-то тяжело-звонкое. Раздались смешки, и началось азартное состязание. Лана несколько раз порывалась присоединиться к болельщикам, но Годар удерживал её за талию.

Он не запомнил, сколько это длилось.

Давлас произносил длинные велеречивые тосты. Ник встречал их остроумными афоризмами, а в тостах был краток.

Давлас затягивал застольные песни. Ник принимался затягивать арии из оперетт.

Потом внимание присутствующих рассеялось, и диалог Давласа и Ника заволокло шумом других голосов, обращённых к разным собеседникам. Теперь ряды звуков распались на какофонию из обрывка фразы, вскрика упавшей вилки, бархатного шуршания скомканной салфетки... Руки Годара ныли от напряжения. Но Лана напряглась сильнее и всё-таки вырвалась. Она словно подстерегла момент, когда Давлас, свесившись со стула, стал медленно сползать на пол. Тело его соскользнуло ей на руки. Стул упал тоже. Прежде, чем забыться сном, Бежевый витязь оттолкнул его ногой.

Ник стоял спиной к этой картине, напряжённо удерживая подчёркнуто правильную осанку. Из-за плеча его выглядывали сердитые девичьи глаза.

Выбравшись из-за стола на свой стул, Годар долго потягивал стакан газировки. Потом наложил салату в тарелку. Украдкой он поглядывал на хлопчущую над Давласом Лану. Бежевый витязь морщился, вздрагивал во сне, ронял капли пота ей на ладони. Лана нежно поглаживала его по щеке, и Годар ощущал мокрую щетину на ладони у себя. Раздражение шло от руки и подступало к сердцу, делая его бег громким, тяжеловесным. Он нервно сцепил и разжал пальцы. Один раз, другой... Снова заиграла музыка.

Чтобы отмахнуться от досады, он влился в группу танцующих, сунулся вслепую, ведомый нежной мелодией, туда, где проходил прежде коридор из прозрачных тел-душ, нащупал его равнодушное тепло и, проскочив некий свободный отрезок, свернул за угол, в другой коридор, не почувствовав, однако, никакой разницы.

Годар и коридоры брели друг сквозь друга, словно задумавшиеся, отрешённые странники-одиночки. Стены проскакивали сквозь него так легко, будто он внутренне расступался. Он уже не хотел этой лёгкости, но стены не хотели иметь его в качестве преграды. «Упереться во что-нибудь грудью! Упереться во что-нибудь грудью!» – застучало в висках. Ладонь, оскорблённая щетиной Давласа, несколько раз свернулась и распрямилась. Сжимая кулаки, он терзал ногтями собственную кожу. Он горел желанием садануть кулаком в стену, но стены нигде не было: все пути и закоулки открылись, словно безразличные жёны.

Вдруг он напоролся на плотноватую стену и от неожиданности застыл, как вкопанный. Тонкая волокнистая преграда легла, наконец, на грудь, но ощущение, возникшее от неожиданно сбывшегося желания, было таким привычным и – одновременно – чужим, что он прорвал заслон без усилия, без сожаления и двинулся дальше.

Стенка, в которой он смутно разглядел девушку, танцевавшую до того с Ником, прильнула к нему сзади, застопорив обратную дорогу. Однако Годар, нарочно развернувшись, ещё раз прошёл сквозь неё. Во второй раз было не так упруго: стенка стала похожа на сорванную вуаль, сползшую на пол по его одежде. Досадуя на собственную жестокость, он развернулся, и, пройдя вновь некий свободный отрезок, во что-то упёрся: настырное и увёртливое одновременно. Он прорвал, не прилагая ни малейших усилий, и этот препон, как ломают ветви, ломаясь сквозь чащу, и лишь потом обнаруживают ссадины.

Каждая стенка, кидающаяся к нему на грудь, была ненужной, а та единственная стена, которую он искал, пролетела бы сквозь него, как пуля, не убив только потому, что лабиринт, который они все составляли, всё-таки был бесплотным.

Некоторые стены вставали перед Годаром просто так; другие – нарочно, думая, что смогут преградить дорогу к единственно-необходимой преграде, и эти последние стали противны.

Отдалённо закуковала кукушка на часах. Вспомнился попугай, которого захотелось размазать по стене. Но вслед за смолкшей кукушкой замолкла и музыка.

Годар – мрачный, осунувшийся – посмотрел вокруг себя и не увидел никакого лабиринта: рядом были подуставшие офицеры и дамы, прервавшие танец так же вдруг – сникающие, со следами неудовольствия на лицах.

Лана, бывшая, как оказалось, совсем близко, на расстоянии протянутой руки, тронула его за рукав:

– Я сошью тебе мундир сама. Следуй за мной, – велела она совершенно белыми губами. Годар понял, что каким-то образом танцевал и с нею тоже.

Поражённый, терзаемый раскаянием, он блаженно двинулся за своей неузнанной...

Пустая койка в огромной общей спальне, в ряду многих других, таких же одинаково-узких, убранных серыми покрывалами, приняла их, как два случайно слипшихся листа, отпавших от искусственного плюща, что свисал, цепляясь за бра, со всех стен.

Он снял с неё платье одним рывком, обнял за талию и, прильнув на долю секунды щекой к груди, отпрянул, словно его огрели по лбу поленом. Талия, грудь, шея да и, похоже, все дру-

гие прелести, были покрыты не кожей, по-женски тонкой и бархатистой, а, скорее, суховатой древесной корой.

Однако Годар не выпустил девушку из объятий, решив довести начатое до конца.

Но всё это вдруг приостановилось и страшно оборвалось.

Впереди возник коридор лабиринта, где загустевал воздух. Годар влип в него, словно насекомое.

Сгущающееся, непроходимое вещество коридора принимало пугающие формы...

Лана, нервно расхохотавшись, оттолкнула его.

Годар, охнув, провалился в забытье.

Глава третья

Проснулся Годар словно от нудного, растянутого на долгие часы толчка.

Сквозь полупрозрачную занавеску на высоком окне, к которому он лежал головой, просеялся не прямой свет зависшего где-то над крышей солнца и словно запорошило плечо, голову. Когда покров стал душным, Годар резко вскочил и принялся озираться в поисках часов. Он надеялся обнаружить их на стене, но не увидел ничего, кроме искусственного плюща, который никогда не встречался в краю в естественном виде, и бра с потушенными огарками.

На тумбочке у койки Годар нашёл записку.

«Дорогой Годар! – написал Ник наспех карандашом. – Тебе не обязательно являться на службу сегодня. Отдохни с дороги. Только не опоздай, пожалуйста, к завтрашнему сбору у казарм на Дворцовой площади. Завтра в восемь утра предстоит формирование рядового состава, и тут уж нам друг без друга никак не обойтись».

Годар вспомнил о часах, подаренных Ником, вынул их из кармана и, положив на записку, которую прочёл, не дотрагиваясь, отошёл поскорей от тумбочки с двойственным чувством облегчения и обкраденности. Про себя он с удовлетворением отметил, что уже двенадцатый час, и, не торопясь, машинально заглянул в шкаф для одежды.

Одно из отделений было доверху набито новеньким обмундированием в фабричных бумажных пакетах. В другом находились коробки с сапогами. На высокой полке располагались цилиндрические кивера. Для полного счастья не хватало только шёлковых лент.

Годар нетерпеливо захлопнул дверцы, отпил минеральной воды из горлышка графина, что находился на ближней тумбочке и подался к выходу из странного Дома. Проходя коридор, он заметил запертую дверь в ещё какую-то комнату и проход на небольшую веранду, где располагалась пустующая стойка и сгрудившиеся кое-как столики. Видимо, он был здесь в этот час единственной живой душой.

На крыльце Годар присел на ступеньку и закурил. О прошедшей ночи лучше всего напоминало собственное тело – ощущением древесной коры на губах, своей обманутой свободой. Тыльная сторона локтя сохранила память о соприкосновении с рукой Ника – рукой с обычной человеческой кожей, и то, что он ощутил от попытки телесного контакта с Ланой, походило на пощёчину самому себе. Всё это хотелось смыть, захлопнуть, как дверцы шкафа с казённой одеждой.

Он стал отвлекать себя от неприятных ощущений поиском закономерностей, которыми была пронизана жизнь, и сделал, в утешение себе, верный, как выяснилось впоследствии, вывод о том, что здешние женщины отличаются от местных мужчин иным строением кожи. Мужчины в этом плане ничем не отличались от европейцев, и вынуждены защищаться от неусыпного солнца закрытыми костюмами из суровых тканей. Слабую же половину спасала суровость собственной кожи: шелка служили дамам лишь украшением.

Непонятно, однако, как возникло такое различие у выходцев из Европы, имеющих одни корни и ведущих одинаковый образ жизни. Слабый отсвет на тайну бросала легенда о феях, с которыми якобы породнились поселенцы.

Мысль о тайне успокоила Годара, вернула ощущение новизны, любопытство к происходящему с ним приключению. Он отметил контрасты, казавшиеся на первый взгляд безвкусицей. Военная форма, близкая к европейским образцам прошлых веков, западноевропейское слово «рыцарь», которым его величали без тени иронии, плохо состыковывались с разноцветными шёлковыми лентами, званием «сотенный командир», обращением «витязь». Эта причудливая смесь из антуража разных эпох и стилей в сочетании с полусказочными ритуалами опьянила ночью душу, многое в ней разбросав. Будучи республиканцем, если не сказать, анархистом – в душе он готов был служить королю. Оставаясь в душе странником, смакующим

свою добровольную бездомность и мнимую безродность, он искренне собирается влиться в ряды офицерства, состоящего из отпрысков родовитой знати.

Теперь день восстанавливал структуру его убеждений, вносил трезвость, которой он внутренне противился. «Всё не так уж и плохо, – признался он себе. – Странно, но многое очень похоже на то, чего я хотел».

Военная служба, показавшаяся после пробуждения отталкивающей, предвкушалась теперь, как приключение. Его тянуло туда. Но Лана, Давлас и Ник должны были попасть в некое другое приключение. Он не желал их видеть, хотя испытывал ко всем троим мучительно-отстранённую признательность.

Годар корил себя за то, что не может стать проще и теплее, чем был сегодня – при свете очередного дня.

На часть террасы, спаявшую в линию напротив домишки с островерхими крышами, вышел мужчина лет тридцати пяти и тоже закурил.

Это был шатен с тонкими аккуратными усами на длинном лице, тщательно выбритый, в белоснежной сорочке. На плечи его был накинута гражданский китель. В вытянутой руке, которая, незаметно опираясь локтем о перила, словно лежала на воздухе, мужчина держал мундштук с папиросой, обхватив его большим и указательным пальцами. Он задумчиво, мягко глядел вбок – в землю, а когда, согнув руку в локте, делал затяжку, взгляд его делался жёстким. Он прищурился, и, откинув нетерпеливым движением головы чёлку со лба, переводил его в другое направление, где, нащупав в пространстве какую-нибудь точку, вновь погружался в рассеянную печальную задумчивость.

Годар, увидев этого человека, вдруг обратил внимание на то, чему не придавал значения ночью: на взопревшую обветшавшую свою одежду, пыль на стоптанных ботинках, густую щетину, превосходящую неопрятностью щетину Давласа – всё это не вязалось с принятым им полушутя представлением о себе, как о витязе рыцарского рода.

В королевстве, где всё по-своему стремилось, пусть и неуклюже, к изяществу, дальнейшее его пребывание в таком обличье могли истолковать как насмешку над государством. Это не входило в его планы. Будь он в стране обычной, последнее обстоятельство ему бы даже польстило. Но здесь, где свет был одновременно назойливым и щедрым на радости, где блаженство сочеталось с необъяснимой тревогой, а жители оставались трогательно-близкими и отталкивающими, дарующими выскальзывающее из рук счастье; здесь, где всё было не узнано и непонятно, примесь эпатажа, проистекающего из его привычки к сарказму, была неуместна. Город не заслужил его насмешки.

Однако какой-то резон в сочетании облика бродяги на коне и сияющего слова «рыцарь» явно имелся. И имелся как раз в Стране Полуденного Солнца. Не потому, что на ум просилась аллюзия с героем Сервантеса. Интуитивно он чувствовал, что не выдержал бы без подпорки в виде сияющего слова – оседлал бы коня и умчался из страны. С другой стороны, сияющее слово стёрлось бы, постепенно ускользая из памяти, если бы им обозначили человека с другим образом – не Годара во всём его облачении.

Всё это было запутанно, и оставляло ощущение беспомощности уверенного в своей правоте человека, который ничего не может доказать при помощи логики. Сегодня что-то подсказывало ему, что следует поступить против обыкновения: не раздумывая, повинаясь первому велению сердца. Сердце же действительно велело побриться, принять душ, переодеться. Но где? Во что?

Он не сомневался, что в Казённом доме имеется ванная комната, и в ней – новенькие бритвенные принадлежности, что в шкафу можно выбрать обмундирование, пусть и без знаков отличия. Но в такой форме показываться в городе не хотелось. Предстоит сначала достать ленту. Для этого надо с кем-нибудь посоветоваться. Можно походить, пока подыскиваешь ленту, в штатском. А штатского в Казённом доме не достать. Это уже легче. Значит, нет смысла

в него возвращаться. Неплохо бы переночевать следующую ночь подальше отсюда, а за тощим походным мешком с единственной ценной принадлежностью – старой тетрадью, который он бросил где-то в коридоре, когда вошёл накануне в странное заведение, можно будет послать слугу – если в городе живёт знать, значит, должны быть и слуги.

Годар двинулся к террасе, где стоял задумчивый шатен, аккуратному виду которого не мешала даже непокорная чёлка, потому, что он вовремя укладывал её в причёску ловким движением головы.

– Утро доброе, – произнёс Годар с нажимом, грубовато, в чём тут же раскаялся, и в продолжение дальнейшей беседы больше не прикрывал стеснительности: – Я – странник Годар, иностранец. Со вчерашнего вечера – ратник королевского войска. Не могли бы вы оказать мне любезность... Нет ли у вас, уважаемый, ванной? Мне необходимо принять душ, – он и сам удивился наглому завершению своего внутреннего монолога.

Незнакомец, посмотревший ему в глаза мягким, серьёзным взглядом, сразу же затушил папиросу, открыл дверь, ведущую на террасу со двора, и сделал характерный пригласительный жест, после чего схватился рукой за грудь, извиняясь, жестом же, за промедление.

– Пожалуйста-пожалуйста! Проходите, располагайтесь. Мой дом в вашем распоряжении, – заговорил он взволнованно густым баритоном, который, казалось, разрывался на куски от порывов искренности. – Подождите секундочку, я сейчас.

Он скрылся в комнате, где что-то грохнуло, и вернулся через пару секунд со стулом. Ненавязчиво глядя Годару в глаза, не позволяя себе обсмотреть его одежду и обувь, незнакомец деликатно усадил его, сам же, отступив на шаг-другой, опустил на край табуретки:

– Будем знакомы: Мартин.

Годар невольно усмехнулся, но тут же уничтожил усмешку неловкой улыбкой.

– Вы не переживайте так. Со мной ничего не случилось. Я просто совершенно не знаю, с кем посоветоваться. Я оказался в городе случайно, накануне, и понятия не имею о том, где можно побриться, приобрести костюм. Впрочем, душ, наверное, имеется и в гостинице. Я зря сюда пришёл. Извините.

Он хотел встать, чтобы избежать услужливости, на которую сам же напросился, хотел услышать совет издалека, выкрикнутый вдогонку. Но хозяин так поспешно вскочил с табуретки, опрокинув её, с такой искренней порывистостью подался к нему и положил руку на плечо, деликатно касаясь лишь подушечками пальцев, что Годар удержался на месте и выпалил:

– У вас газировки не найдётся? Очень жарко, всё время хочется пить.

Спустя время он сидел за чашкой кофе, приготовленного самим хозяином (тот не держал прислуги), повеселевший, помолодевший после бритья, в хозяйском халате, и делился впечатлениями о местной природе.

– Мне понятно ваше недоумение, – сказал Мартин, внимательно выслушав его, – смесь радости и грусти неизбежна при взгляде на полуденную степь. В моём семейном архиве хранятся подлинники дневников графа Аризонского. В них зафиксировано многое из того, что происходит на суэнской земле под действием недвижимого солнца. Граф был географом, очень неплохим для своего времени. В его трудах не содержится грандиозных обобщений, но описательные главы местами настолько живописны, что мне всегда хотелось написать к таким местам музыку. Но я не композитор, – Мартин улыбнулся своей грустной, доверчивой улыбкой. – И потом, я не могу быть объективным: имя графа для меня слишком дорого: я ношу его фамилию.

– Как, вы – Аризонский?! – вскричал Годар.

– А почему это вас удивляет? – удивился в свою очередь Мартин.

– Не удивляет, а впечатляет. Я слышал о графе очень тёплые отзывы... И даже видел его портрет. В Казённом доме, – Годар смутился.

– Такой вот? – кивнул, усмехнувшись, Мартин на стену.

– О, да! – воскликнул Годар. – Только гораздо больший. Я даже вначале подумал, что на портрете – король.

Мартин промолчал. Рука его, вытянувшись в прямую линию, легла на угол стола. В задумчивости он придвинул к себе пепельницу, тронул мундштук на дне.

– Вам необходим костюм, – сказал он как бы походя, как о деле, давно решённом. – Когда, лет десять тому назад, я был пониже ростом и поуже в плечах, то носил... Сейчас покажу.

Он бесшумно прошёл по паласу к старинному шкафу, занимающему чуть ли не треть комнатухи, распахнул дверцы. Изнутри на Годара глянул, заставив его вздрогнуть, мундир ратника королевского войска, висящий на плечиках вешалки так славно, так элегантно, словно был живым и ощущал присутствие хозяина.

Шёлковая лента цвета зрелой летней листвы была перекинута рядом через планку.

Широкая спина Мартина загородила проём шкафа, а когда он обернулся, захлопнув перед тем дверцы, в руках его были светло-серый костюм, шляпа, галстук-бабочка, а также сорочка, комплект нижнего белья и коробка с туфлями.

Годар вскочил, как ужаленный, порываясь возразить, но Мартин смотрел на него с такой щемящей просьбой в глазах, так болезненно не желал отказа, выглядя утомлённым неловкостью, даже постаревшим в одночасье, что Годар, обронив «Спасибо», поспешно освободил его руки, отступил на шаг и ещё раз поблагодарил – одним взглядом: потеплевшим, признательным.

Он отметил, что Мартин, будучи выше его на полголовы, шире в плечах и стройней, должен отлично смотреться в мундире – лучше, чем кто-либо из сотенных командиров.

А тот тем временем снял со стены висевшую в ряду со шпагой и старинным пистолетом саблю и принялся счищать тряпочкой налёт пыли с ножен.

– Работать над собой следует упорно, изо дня в день, – бодро пояснил он, кивнув на оружие, – вчера мы с приятелем фехтовали, а на сегодня я планировал визит в тир. Жаль, что у вас нет при себе сабли, мы бы могли составить друг другу компанию. Кстати, всё, что необходимо офицеру, можно приобрести в военном магазине у входа на Дворцовую площадь. Расходы иностранных и малоимущих ратников оплачивает казна. В королевстве своя валюта, не подлежащая обмену. Поэтому решать свои финансовые дела через департамент иностранных дел – необходимая формальность – и только. Но сегодня вам не придётся утомлять себя хождением по нескольким адресам: я дам вам денег на форму.

– Нет, – твёрдо возразил Годар. – Я уже в порядке и отправляюсь в департамент сейчас же. Вот только переоденусь... Извините, что злоупотребил вашим гостеприимством. И ещё мне очень жаль, да просто неудобно, чёрт побери, что в силу какого-то недоразумения честь служить в королевском войске выпала не вам, а мне. Думаю, эту ошибку я со временем проясню. Вчера в том же департаменте я не смог ничего доказать.

– Пустяки, – весело пробасил Мартин, – я всегда успею занять в войске своё место. Лента зелёного цвета – фамильного цвета рода Аризонских – тому порукой.

Годар насторожился. Он почему-то представил Мартина Аризонского на месте своих товарищей: Ника или Давласа. Товарищ должен был погибнуть, или его должны были разжаловать, либо устранить как-нибудь ещё. Не мог же в войске в тысячу ратников появиться одиннадцатый сотенный командир.

Однако лицо Мартина приобрело такое трогательно-печальное выражение, что он устыдился своих мыслей.

– В детстве я мечтал о белой ленте, – тихо проговорил он, поглаживая в задумчивости саблю, вытянутую из ножен на треть, – но позже понял, что должен предпочесть фамильный цвет. Но всё равно, в душе я – Белый витязь.

Годар пересказал легенду о происхождении Государственного флага Суэнии, услышанную от Ланы, и деликатно поинтересовался, в самом ли деле полотнище из несгораемого шёлка имеет магическое происхождение. На что Мартин ответил, что слышит подобные рассказы не впервые. Миф о феях не имеет под собой научной основы. Просто среди поселенцев было несколько учёных и немало умельцев. В конце концов, в Стране Полуденного Солнца должна была появиться сверхпрочная ткань, которая, кстати, вовсе не вечная. Полотнище на главном флагштоке периодически меняют. Производство несгораемого шёлка и сегодня обходится в копеечку. Платье из суэнского шёлка могут заказать себе только самые состоятельные дамы, или те, кто из кожи вон следуют плебейской страсти к подражательству. А Шёлковая же лента офицера – не просто знак различия. У войска нет знамени, под ним подразумеваются в совокупности ленты сотенных командиров. В случае пропажи шёлковой ленты у одного из офицеров войсковое знамя считается утерянным, и войско подлежит расформированию.

Что же касается женитьбы на феях, то граф Аризонский был географом, а не поэтом-сказочником. И поселенцы были ему под стать.

«У графа взгляд художника, – сказал Мартин проникновенно, – Иные суэнцы приписывают ему дар пророчества – и всего-то вследствие безупречного фонетического чутья, с каким изобрёл он свой псевдоним, покончив с жизнью путешественника. После преобразований в Новом Свете псевдоним графа стал ассоциироваться с известным штатом, что послужило поводом для историко-мистических параллелей. Маленькие народцы, знаете ли, падки на собственные сенсации».

Ещё Мартин упомянул о ранней гибели родителей и поведал скупое о том, что провёл детство в первом лицее королевства, по окончании которого стал жить в комнатухе, доставшейся в наследство от тёти. Семейный их особняк сгорел во время пожара 19.. года, охватившего южную часть Скира. Родители погибли тогда, и он теперь – последний мужчина из рода Аризонских. Кроме двух незамужних кузин, у него никого не осталось.

В здешнем климате пожары не редкость. Имеется новый Архитектурный План города. Предполагается снести все деревянные особняки и возвести кирпичные многоэтажки. Но в казне не хватает средств. Да и население не торопится расстаться с родовыми гнёздами, ведь некоторые из них стоят ещё с начала столетия.

Выслушал Годар и то, что Казённый дом, где проходило ночное празднество, именно потому и расположен на периферийной улице, что празднества здесь бывают чересчур невыдержанными, что, впрочем, несущественно. Как несущественно и то, что каждый имеет право на свой образ жизни.

Годар запомнил, как Мартин сказал:

– Свою задачу я вижу в том, чтобы не споткнуться о чей-нибудь образ. На месте Казённого дома раньше был старый сад. Когда деревья перестали плодоносить, хозяин одного из домов, что стоят во дворе, как и прежде, квадратом, арендовал землю, добился разрешения и сложил во дворе из брёвен срубленного сада вертеп. Я помню те деревья, и меня мало волнует, что теперь на их месте. Поэтому я прекрасно понимаю, что у вас могло возникнуть желание побриться не там, где вы обедали. Впрочем, на свете так много несущественного.

Годара опять смутили двойственные чувства: здешний воздух, что ли, усиливал полярность?

Он был тронут доверительностью Мартина и, в то же время, хотел поскорей уйти, потому что ему показалось, будто тот, оставаясь искренне дружелюбным, желает побыть в одиночестве. Но это предположение тут же забылось, перекрытое радушием хозяина, чтобы затаиться в памяти в виде смутной, неопределённой тревоги. Кроме того, подозрение было перебито женской бранью на улице, за которой последовал протяжный кошачий вопль, и Мартин, бросив на ходу: «Я сейчас», выбежал на террасу.

Когда Годар, наспех переодевшись и переждав честно несколько минут, вышел следом, приятель его сидел, сутулясь, на табуретке и держал в руках большого мокрого кота мышиной окраски.

Аризонский был теперь похож в своей белой сорочке, вздувшейся из-за всепроникающего ветра, на заснеженный холм. Кот, прильнув к его груди, замер, как на отвесной скале. Хмурый, сосредоточенный на своих мыслях взгляд Мартина, наткнувшись на молчаливо выросшую на террасе фигуру Годара, прояснился и потеплел.

– Нас чуть не ошпарили, – пояснил он просто. – По счастью, перепутали вёдра: плеснули холодной.

Из дома наискосок донеслась танцевальная мелодия – одна из тех, под которую они веселились ночью в вертепе. словно сама удаль – бешеная до грусти – забилась об окно, просочилась в открытую форточку. Всё это, задвинутое вглубь окна, форточки, двери, охраняемые бордюром одинаковой террасы – дребезжало, вибрировало. Просушенный солнцем воздух принимал и с треском отбрасывал грусть, как барабанные палочки. Но вдруг в оконную раму дома, откуда неслась музыка, угодил, не задев стекла, булыжник, и мелодия оборвалась.

Годар видел полёт булыжника и место его удара, на который хозяева, так и не выглянувшие наружу, отреагировали минутной заминкой в музыке.

Посреди свободного пространства между домами и вертепом стояла, склонившись к земле, птичница Марьяна, в полупрозрачном платье из настоящего суэнского шёлка. Её фигура под шёлком напоминала согнутое высохшее дерево. Брови сомкнулись, глаза неотрывно смотрели в цель, рука же шарилась по земле в поисках очередного булыжника.

«Эй, госпожа!» – крикнул Годар, метнувшись к бордюру, потому, что птичница вновь прицелилась, Мартин же властно окликнул его: «Не надо, Годар! Не беспокойте себя!»

Булыжник вновь хлопнул об оконную раму, не вызвав на сей раз заминки.

– Вон там, – указал, волнуясь, Годар на птичницу.

– Не надо показывать пальцем, – произнёс Мартин, не поведя и бровью. Он казался целой горой из-за гуляющего под просторной сорочкой ветра. Кота на руках уже не было. – Не беспокойте себя, – повторил он мягче и попробовал улыбнуться, – Эта госпожа слишком метка для того, чтобы её стоило останавливать. А показывать пальцем, простите, неэтично.

– Неэстетично, – поправил Годар машинально. Он ничего не понимал.

– Неэтично, – повторил Мартин со спокойной любезной улыбкой. Жестом он пригласил Годара сесть, и тот, заметив скрытую боль в его взгляде, повиновался.

Аризонский, положив вытянутую в струну руку локтем на колено, прищурился, уйдя в свои мысли.

– Это было не раз, – проговорил он рассеянно. – Не каждый приемлет другого. А эта госпожа не приемлет каждого.

В этот момент что-то шлёпнулось на террасу, прорезав воздух белой дугой.

Возле ног Годара, обутых в лакированные туфли хозяина, распластался мёртвый белый какаду.

Голова птичницы Марьяны с размётанными ветром прядями волос – голова без причёски и шляпки – вынырнула откуда-то из-под террасы.

– Твой кот погубил Альбиноса, – произнесла птичница, глядя на Мартина в упор. Слова её были словно прочерчены ножом по дереву. – Можешь приготовить суп для Его Величества.

– А кто шастает по ночам? Как посмотрит Его величество на нарушение границы? – выпалил Мартин гнусавым голосом, не поворачивая головы. Фигура птичницы удалилась, так и не удостоенная его взгляда. – Как много в людях злости, – вздохнул он и задал вопрос себе самому: – Ну, почему всегда начинают с самых неразумных? Сначала наказали животное, которое даже не поняло, за что, а претензию к хозяину предъявили в последнюю очередь. Помогите мне, Годар, похоронить птицу. Честно говоря, мой Норик основал уже целое кладбище коро-

левских попугаев. Прямо не знаю, что с ним делать. Придётся, наверное, запереть в комнате. Почуял, разбойник, неладное, запропастился? Я сейчас, принесу лопатку.

День становился всё более ветреным. Нервный воздух носился по террасе, весь в порывах, мелко-коротких, шебуршил в вязанке лавровых веток, похлопывал газетой, которую придерживал за край камешек.

Годар переложил газету с камешком на тело попугая, чтобы ветер не теребил перья. Хотел закурить, но вспомнил, что сигареты и спички остались в кармане старых брюк. Пока хозяин хлопотал в доме, оставалось вежливо ждать за дверью.

Музыка, доносившаяся от соседского проигрывателя, как-то незаметно перешла в дикторский голос.

Дикторский голос достал Годара и за спиной – из комнаты Мартина. И всё равно оставался далёким, неразборчивым.

Прокатилась с гомоном по небу круглая стайка волнистых попугайчиков, похожих на стёклышки калейдоскопа. Растрёпанная Марьяна набежала откуда-то сбоку, вцепилась в бордюр. Агатовые перстни на пальцах выстроились в многоточие.

– Измена! Измена! – зло, гортанно крикнула она в дверь, из-за которой выбежал собранный, сосредоточенный Мартин в застёгнутом доверху кителе и в кепке.

– Я уже слышал, – бросил он на бегу, перемахнул через бордюр и метнулся во все стороны сразу, как встревоженный отец в поисках дитяти.

– Норик! Быстро сюда!

Взъерошенный кот вспрыгнул ему на спину, но Мартин резко сбросил его наземь и, обернувшись, отшвырнул грубым пинком ноги в горку песка.

– Мерзавец! – закричал он. – Мокрый, грязный! Обсвинячил китель. В самый ответственный час. Выбрал время, обуза треклятая!

Глаза его, встретившись с взглядом Годара, усмехнулись, обжигая каким-то стыдливым и в то же время наглым вопросом.

Годару не раз случалось испытывать чувства вместо других. Щёки зарделись от пронзительного ЧУЖОГО стыда. Но такая щемящая боль вдруг прорезалась сквозь усмешку Мартина, что вопрос Годара провис, так и не оформившись в мысль, а посему выскочил на время из памяти.

– Не спали себе кожу в моём пиджачке, – виновато пожелал Мартин перед тем, как исчезнуть.

Взгляд Годара упал на свежую вмятину в песке. Кота там как не бывало.

Из пересказа Марьяны, нарочно наспигованного неприятными для него подробностями, Годар узнал, что из Суэнии бежал сотенный командир Давлас К. и служащая королевского войска Лана С. Все остальные молодые повесы арестованы, как пособники, так что войско всем составом отправилось в отставку. Дело привычное. Длительная служба в королевском войске – редкость, какой ещё не видывали. Военная служба в Суэнии есть отставка. Но добропорядочные подданные Его Величества надеются на исключение. Ждут-с. Между прочим, по радио передали список арестованных, и имя рыцаря Годара в нём не значится. Среди тех, кого предполагается вызвать для допроса, его тоже почему-то нет. Выходит, что рыцарь признан непригодным к измене...

Годар уже не слушал. Он не заметил, как вышел на широкую мостовую и сколько отшагал шагов.

Мимо пронеслась карета и остановилась впереди. Из кареты вышел сухонький старичок, продвинулся мелкими шелестящими шажками к подъезду какого-то сурового ведомства. Старичок был понурый, с бесцветными губами. Ожидающий его извозчик, сидя на козлах, лениво слушал простенький карманный радиоприёмник.

По обе стороны подъезда сурового ведомства располагались пустые цветочные клумбы и мусорные ящики в форме тюльпанов. Дворник сметал в кучу окурки, чтобы убрать их с тротуара в тюльпаны. Окурками, как Годар убедился позже, были усыпаны в Скире все улочки, переулки и площади, исключая разве что Дворцовую, а глиняные тюльпаны оставались полупустыми.

Ещё на дорогах было много клочков газет и обёрточной бумаги. Всё это шуршало под мётлами или туфлями и отдавало запахом громоздких учреждений.

Ненужные, на его взгляд, учреждения привычно текли мимо Годара.

Государственная служба, а то и худшая дребедень, опять миновала его. Это стоило отметить шампанским. Только на сей раз бокал не был заслужен: продолжение странничества далось ему без борьбы.

Он никогда не верил в то, что получалось само собой. Сомнительное облегчение от того, что Лана теперь далеко, что пущенный вдогонку отряд полиции вернулся ни с чем – это сообщение просочилось из сухой радиосводки, периодически запускаемой в толпу зевак у репродуктора – простенькое облегчение было равновелико гулкой пустоте внутри. Не надо было рвать узы не завязавшейся привязанности, бороться с несуществующей неприязнью к Давласу на почве не созревшей ревности, тянуться к Нику и презирать его, как самого себя – отвергнутого. Всё это растаяло, не начавшись.

Ребята из полицейского патруля лениво слонялись между прохожими, не проявляя ни к кому интереса. Включённые радиоприёмники покоились в нагрудных карманах, оттуда же высовывались пакетики с сухим соком.

Видный государственный деятель делился из репродуктора страстной любовью к Родине. Потом последовала очередная сводка новостей, где было вскользь упомянуто о значении воинской присяги, после чего другой государственный деятель принялся рассуждать о воспитании юношества. «Мы стараемся. Мы из всех сил стараемся не терять терпения и взвешенности, – говорил он размеренно и вкрадчиво, – мы можем понять больше, чем обычно думают соотечественники. Мы способны понять даже то, что молодой офицер мог получить внезапное помутнение рассудка и временно предпочесть Родине даму сердца. Но не сразу же после присяги, не в день, когда клянёшься в верности ратника королю и отечеству!»

Годар опять почувствовал на щеках краску стыда. Выходит, сегодня состоялась присяга, а он, Годар, не был к ней допущен. Его обманули свои же товарищи, не обмолвившись о присяге в записке. Выходит, птичница Марьяна права в своей парадоксальной обмолвке: он признан негодным к измене...

Что-то подсказывало ему, что сегодняшняя свобода не делает ему чести.

Тюремные ворота отторгали его от товарищей в пользу Государства.

Государство же осталось загадочным: ещё не заслуживающим его презрения, но и не претендующим на уважение. Государство, так же, как и ночные товарищи, ничего не хотело от Годара.

Сообщили первые результаты расследования, проведённого полицией на основе анализа данных, полученных от Шахматной комиссии. Результаты эти, произведя в толпе горожан подобие сенсации, стали для Годара откровением.

В сообщении говорилось, что Офицерский шахматный турнир, победитель которого, согласно традиции, получал право на охрану своей сотней Дворцовой площади, был проведён не по правилам. Последнее обстоятельство и помогло полиции нащупать ключ к разгадке происшедшего.

Как известно, в обязанности королевского войска входит, помимо других задач, охрана различных объектов, неравноценных для внешнего врага.

Королевский дворец, и в нём – апартаменты принцессы Адрианы – важнейший среди таковых.

Результаты Шахматного турнира выявляют тактические и стратегические потенциалы будущих командиров, позволяют Совету во главе с Его Величеством, куда входят и члены Шахматной комиссии, оптимально распределить между ними обязанности, в том числе и связанные с охраной города.

Высокая честь охранять Королевский дворец – честь и почётное право – выпадает победителю турнира. Сотня под его командованием становится личной гвардией короля.

На сей раз вмешалось непредвиденное обстоятельство, которым и воспользовались горевитязи.

Прибывший накануне в Суэнию иностранец Годар, зачисленный Указом Его Величества в войско на должность сотенного командира, не смог принять участие в турнире из-за усталости с дороги.

Будущие участники подали Шахматной комиссии ходатайство, в котором просили дать иностранцу Годару фору: возложить на него все необходимые обязанности, предоставить все возможные права без участия в турнире. Со стороны сие предложение смотрелось весьма благородно и было принято комиссией, тем более что Годар не участвовал во вчерашней жеребьевке. Ему просто достался последний жетон, вынутый независимым экспертом, о чём товарищи его в известность не поставили, якобы по забывчивости. А играть Годару выпало не с кем иным, как с Давласом, в последней паре цепочки. Но, так как проспавший положенный срок (если не усыпленный) иностранец на турнир не явился, Давлас остался без соперника, то бишь игрока в паре первой своей партии. И тогда благородные витязи предложили, чтобы первую из двух обязательных партий Давлас играл, как и полагается, с победителем предпоследней пары, а вторую – с проигравшим игроком первой. Десятый игрок, а именно Годар, просто-напросто выпадал из укоротившейся на звено цепочки.

Разумеется, победа в Офицерском Шахматном турнире зависит не только от умения и личных качеств. Витязю-победителю должны сопутствовать Божий промысел и удача, чему благоприятствует игра в цепочке – игра до заветного третьего очка, которое выпадает первым умелому счастливчику – так сказать, божьему избраннику.

Однако место, где цепочка разомкнулась, дав «зелёный свет» победителю в конце второго круга, анализ характерных ошибок и даже беглый взгляд на схему соотношения сил выявили замысел воистину ребяческий. Из схемы явственно следовало, что безукоризненно-чёткая победа Давласа на турнире была подстроена...

...Один из полицейских набросал, с видом азартного игрока, мелом на тротуаре переданную схему, а рядом – схему расположения игроков в традиционной цепочке. Взглянув на обе схемы, Годар увидел, что каждый сегодняшний игрок, кроме первого и последнего, получил в двух обязательных партиях первого круга по одному очку: первая партия оказывалась, как по заказу, выигрышной, вторая – проигрышной. И лишь у одного из игроков значились в конце первого круга два проигрыша, а у того, кто сыграл с ним в заключение, соответственно, два выигрыша.

Всё это повторилось, умножившись, во втором круге, и выглядело весьма стройно.

Годар счёл бы всё это совпадением или принял бы схему за подтасовку полиции, если бы игроком «А», получившим ноль очков, не оказался Ник.

Полиция сделала вывод, что, будучи давним товарищем Давласа, Ник «принял огонь на себя»: офицер, набравший наименьшее количество очков, брал под своё командование, согласно предварительному условию, запасную сотню. Все остальные витязи, подыграв ему и друг другу, устроили паритет. Он-то и выдал недалёкий умысел. Схема соотношения сил вышла чересчур гармоничной: один лидер и восемь абсолютно равных по возможностям витязей, из которых один включён в восьмёрку условно, с форой.

Теперь полиция решала вопрос: для чего экс-офицерам понадобилось перейти на подпольное самоуправление. Почему молодые люди проявили недоверие к выводам и решениям

Совета? Что это: конфликт «отцов» и «детей» или конфронтация с государством в лице короля? Разница между тем и другим невелика. И всё-таки её необходимо установить... Минуту назад поступила оперативная информация, которую приходится считывать прямо с листа, испещрённого скорописью... Из Достоверных Источников стало известно, что Давлас не знал о сговоре. Когда изменник, у которого уже были готовы лошади на задворках, узнал каким-то образом о подвохе на турнире, то воскликнул в сердцах, почему-то рассердившись: «Бедная страна, возлежащая на стерильных простынях! Я не желаю того, что лишилось пота и крови».

Ставленник бежал из Суэнии, соблазнив военную медбывчасть и подставил под удар всё войско: ведь при подобном ЧП расформирование неизбежно.

Таков итог своевольного выбора молодых офицеров. Интересно, что последние встретили известие об измене своего ставленника весьма хладнокровно, и даже как будто испытали облегчение после ареста и отставки. А ведь все они готовили себя к службе в королевском войске с детства: занимались в секциях рукопашного боя, приучали ладонь к рукояти холодного оружия, посещали Шахматный клуб. О том же, как юноши Суэнии лелеют свои шёлковые ленты, надеясь попасть в золотую десятку, и говорить не приходится.

Что же происходит с молодёжью столь славного государства? Конечно, армия не должна подменять полицию, а полиция – армию, этот вопрос не раз поднимался общественностью. Но для начала необходимо создать армию. Хотя бы ЧУТЬ МЕНЕЕ КРАТКОВРЕМЕННУЮ.

Видные государственные мужи, сменяя друг друга в эфире, взывали к мудрости и патриотизму каждого молодого человека в отдельности и поколения в целом.

Потом они вдруг оказались в эфире все разом и затянули дискуссию.

Неторопливые, будто выскобленные песком, выветренные голоса пожилых суэнцев смаковали слово «благоразумие». Но вдруг возникла пауза, будто слово сжевали и, гортанно покашливая, напряжённо ждут-с... Кто-то громко заговорил молодым взволнованным баритоном, да так, что от репродуктора словно бризом повеяло: «Братья мои, суэнцы! Я обращаюсь к тем из вас, кто находится сейчас под стражей, ожидая освобождения, которое, конечно, настанет сразу вслед за тем, как родственники внесут в казну штрафы! Вы совершили дерзкий и опрометчивый поступок. Но вы поступили благородно. Я не имею в виду господина Давласа – этот человек недостоин нашего внимания. Меня интересуют внутренние мотивы поступка других сотенных командиров.

Задумайтесь, как противоположны по мотивам поступки товарищей и изменника.

В конце концов, именно сегодня у нас оперилась надежда на то, что в стране появится армия, так как налицо люди чести. Более обоснованная надежда. Это уже что-то. Это уже Надежда, господа!»

Годар увидел мысленным взором Ника, который, стоя под палящими лучами солнца в одной сорочке, молил его взглядом не садиться за шахматную доску, которая раскинута прямо в степи. На поле возвышались резные фигуры самых различных цветов. Годар прикрыл глаза: в жёлтой мгле видение было выложено рваными пятнами.

Он слишком долго простоял у репродуктора с непокрытой головой, вертя в руках шляпу. Надо было куда-то пойти. В департамент хотелось меньше всего.

Он побрёл по улице, где по обеим сторонам возвышались трёхэтажные деревянные особняки в треугольниках крыш. Некоторые крыши имели флюгерные шпили. Флюгеры не стояли бездвижно, как не стоял на месте ветер.

В какое время они сговорились? Не тогда ли, когда он удалился с Ланой, а Давлас отсыпался с перепоем на полу? Ах, дерзкий Ник! Дерзкий, милый Ник.

Бедный Давлас, товарищи выстроили ему из собственных душ коридор в лабиринте, а он, увидев прозрачность, отказался.

Воспоминание о близости с Ланой стало не таким болезненным. Пусть кожа, грубая, как древесная кора, обдирает ладони, пусть они кровоточат, как и положено естеству. Быть может, суэнские девушки даются Богом в награду за мужество. Годар упустил свою награду, выпавшую ему авансом, просадил фору.

И слава Богу: женщина, подобная Лане, заслуживала такой огромной любви, какой он на сегодняшний день дать не мог.

Такой же любви, возможно, заслуживала и ждала Суэния. Та Суэния, что не вызвала его на допрос, не пригрозила арестом и не влезла в карман с его документами рукой полицейского. Выкрашенные неброскими красками особняки были заключены в тесные заборы. Дворы сжимались, уступая место дорогам, где бродили люди, которых любое другое государство сочло бы за преступников: позавчерашние ратники, выпущенные насовсем из кратковременного заключения и ставшие теперь скитальцами внутри страны.

Государство умело быть изворотливым, спешило заговорить зубы, но не неволило ведь, не неволило непутёвых своих граждан, оставляя за ними право на шанс. Из преступлений карались длительным сроком заключения, как он догадывался, только государственная измена и нарушение Закона о Границе между Ночью и Днём. Под статус нарушителей попадали люди, покинувшие своё жилище или раскрывшие ставни в ночь без всяких на то оснований.

Как всегда, ещё ничего не началось: эта закономерность его жизни, возведённая в принцип, поддерживалась им так неукоснительно, что теперь действовал автоматизм, работавший даже против его воли.

Годар присматривал место для остановки, где можно придержать на миг текущую в него жизнь, и себя, в неё бегущего... Объятия! Хоть на миг! Иначе жизнь странным образом будет за спиной, а он – впереди. Каждый миг, каждый миг, каждый миг одна и та же разорванность!.. А ведь всё происходит в коридоре из живых душ, где ничто не огибает и спешит друг сквозь друга.

Души здесь маются от того, что стареют, не созревают.

Кое-что в этой стране, чем-то на него походящей, обнадёживало.

Он желал с ней встречи ещё тогда, когда скакал по степи в обгон недвижимого солнца.

Теперь Годар сделал первый ответный шаг навстречу: надел костюм.

Не будь костюм подарочным, бывший странник нырнул бы во двор какого-нибудь особняка, спрятался в подъезде и, привалившись к стене, ловил бы из щелей прохладу сквозняка. Но он должен сохранить костюм в приличном виде хотя бы из уважения к Мартину Аризонскому. Кроме того, Годар помнил про решение не претить вкусам горожан.

Тело прокалилось до самых костей, до души, особенно грудь под ситцем сорочки, которую безжалостно обнажил широкий английский воротник. Другие горожане носили застёгнутые доверху кители с накладными воротничками. Лишь ему выпала честь влачить на себе непрактичный пиджак – не то старомодный, не то ультрамодный. Дурноту усугублял впившийся в шею галстук.

Годар двигался неторопливо, стараясь держаться осанисто. Останавливался подолгу у фонтанов, подставляя под брызги лицо и ладони. Водяная пыль освежала белый треугольник на груди: это было спасением, но прилипшая к телу сорочка, поникший на ней галстук разрушали элегантность. Он не желал, чтобы его смятение передалось костюму, и решил поспешить в департамент.

Вдруг его назвали по имени. Сосредоточившись, Годар догадался, что имя произнесено из ближнего репродуктора. Читали список. К репродуктору стоило подойти поближе, но там достаточно многолюдно, он боялся, что не выдержит и свалится прямо в толпе.

Мальчишки носились с охапками газет, подсовывая под глаза прохожим только что вышедший номер.

Годар придержал одного, выпросил экстренный номер с условием, что тотчас вернёт, бегло просмотрел... На первой странице был напечатан Указ Его Величества Кевина I о формировании королевского войска. Далее располагался список лиц, назначенных сегодня на должность сотенных командиров. В этом списке Годар увидел своё имя. Все остальные имена дополнялись фамилиями. Среди них значилась и фамилия Мартина.

Ничему не удивившись, Годар окончательно заспешил в департамент, где ему немедленно выдали удостоверение вкупе с подъёмными на покупку обмундирования и организацию досуга. Механически просмотрев адреса квартиродателей, Годар поставил галочку в услужливо поданном списке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.